

«Восхитительная история,
рассказывающая о стойкости
человеческого духа».

School Librarian

АЛАЯ ЛЕНТА

ЛЮСИ ЭДЛИНГТОН

*Одно-единственное платье
может решить её судьбу...*

Young Adult. Важные книги для молодёжи

Люси Эдлингтон

Алая лента

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Эдлингтон Л.

Алая лента / Л. Эдлингтон — «Эксмо», 2017 — (Young Adult.
Важные книги для молодёжи)

ISBN 978-5-04-100181-0

«Алая лента» – лучший молодежный роман о Холокосте, который я когда-либо читал». Роберт Иглстоун, профессор Института Холокоста при Лондонском университете. Четирем разным девушкам было суждено встретиться на границе жизни и смерти, в концлагере Аушвиц-Биркенау. Элла – целеустремленная талантливая юная портниха, которой удастся благодаря своему мастерству выживать в лагере. Она шьет великолепные наряды для тех, кто ежечасно обрекает на смерть сотни тысяч безвинных людей. Девушка нашла убежище от беспощадной реальности в мире шелка, ножниц и булавок. Здесь одно-единственное платье может решить ее судьбу, даровав жизнь или, наоборот, ее отняв. Роза – нежная сказочница и фантазерка. Девушка всегда готова поделиться своей скудной порцией еды с тем, кому она нужнее, и не боится наказания за помощь другим заключенным. Марта – привилегированная заключенная, управляющая швейной мастерской. Она пойдет на все, чтобы остаться в живых. Карла – одна из надзирательниц, для кого заключенные шьют платья. Им никогда не бывать подругами, да и не каждой суждено выжить в Биркенау. Можно только подарить надежду, символом которой станет алая лента, украденная однажды из тюремного ателье...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-100181-0

© Эдлингтон Л., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Зеленый	7
Желтый	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Люси Эдлингтон

Алая лента

*Памяти моей бабушки,
урожденной Э. Р. Уайлд,
и в знак благодарности той,
старинной Бетти*

*Жизнь наша – плач, но, веру сохранив,
В венце из роз бесстрашно мы готовы
Во тьму спуститься, – так мы говорим.*
Руперт Брук. Холм

Зеленый

*Нас четверо: Элла, Роза, Марта и Карла.
В другой жизни мы все могли бы стать подругами.
Но только не в Биркенау.*

Бежать в таких дурацких башмаках было очень трудно. Грязь под ногами была густой, как патока. Те же самые трудности испытывала и женщина, бежавшая впереди меня. Один ее башмак увяз, и ей пришлось остановиться. Это хорошо. Я очень хотела прибежать на место первой.

В какой из этих одинаковых построек, «блоков», находится место, которое мне нужно? Уточнять было не у кого. Остальные тоже мчались вперед, не разбирая дороги, похожие на стадо испуганных животных. Туда бежать? Нет, сюда. Вот оно, это место. Я резко остановилась, и бежавшая за мной женщина едва не врезалась в меня. Мы обе взглянули на здание. Да, это должно быть именно оно. Ну что, теперь осталось просто постучать? А мы не опоздали, нет?

О, только бы я не опоздала!

Я привстала на цыпочки и заглянула в маленькое, прорезанное высоко в двери окошечко, но ничего не увидела в нем, кроме своего собственного отражения. Я пощипала себя за щеки, чтобы они слегка порозовели, и пожалела, что не доросла еще до того, чтобы иметь свой огрызок помадного карандаша.

Хорошо хоть мой заплывший глаз приоткрылся, хотя зеленовато-желтый синяк, конечно, все еще не сошел. Но зрение уже полностью восстановилось, и это самое главное. Синяк и все остальное хорошо прикрыли бы густые волосы, но что жалеть о том, чего нет?

– Мы опоздали? – хрипло спросила женщина. – Мой башмак остался в грязи.

Когда я постучала, дверь распахнулась так быстро, что мы с женщиной подскочили от неожиданности.

– Опоздываете, – резко сказала нам молодая женщина, пристально оглядывая нас. Я посмотрела на нее в ответ. За три недели вдали от дома я так и не научилась правильно унижаться, несмотря на то какой силы удары следовали за неповиновением. Эта девушка была ненамного старше меня и, казалось, целиком составлена из углов. Нос у нее был таким острым, что им можно было нарезать сыр. Я всегда любила сыр. И рассыпчатую салатную брынзу, и мягкий сливочный сыр, который так хорошо подходит для свежего хлеба, и даже тот странный, с зеленым пушком, который старики любят в крекерах...

– Хватит стоять! – Острое лицо девушки нахмурилось. – Идите внутрь! Вытрите ноги! Ничего руками не трогать!

И мы зашли. Я сделала это и оказалась в швейной мастерской, «Салоне верхней одежды». Кажется, это рай. Как только я услышала, что здесь есть работа, то сразу поняла, что должна получить ее, чего бы мне это ни стоило.

В мастерской я насчитала примерно два десятка голов, склонившихся над жужжащими швейными машинами. Словно сказочные персонажи, подпавшие под заклятие. Я сразу заметила, что все они были опрятными, одетыми в рабочие коричневые комбинезоны – несравненно лучше грубой мешковатой робы, соскальзывающей с моих плеч.

Рабочие, деревянные, выскобленные до белизны столы были завалены набросками моделей и нитками. На полках в дальнем углу лежали лоскуты тканей – таких ярких, что мне пришлось проморгаться. В другом углу располагались безголовые портновские манекены. Откуда-то слышалось шипение и позвякивание тяжелого утюга, а в воздухе ленивыми насекомыми кружились пушинки хлопка от ниток.

Никто не оторвался от работы, девушки продолжали шить с таким усердием, словно от этого зависела их жизнь.

– Ножницы! – послышался крик откуда-то сбоку. Сидевшая за ближайшей машиной швея, не прекращая нажимать ногой на педаль, подняла лапку, чтобы освободить ткань, и незанятой рукой протянула ножницы. Я наблюдала, как инструмент переходил из рук в руки до стола, где ждал раскроя кусок темно-зеленого твида.

Открывшая нам дверь угловатая девушка пощелкала пальцами перед моим лицом.

– Не отвлекайся! Я Марта, и я здесь главная, понятно?

Я кивнула. Женщина, вошедшая за мной, заморгала и переступила с ноги на ногу. Ей было уже много лет, около двадцати пяти, нервная, как кролик. Из кроличьей кожи получаются отличные перчатки. Раньше у меня были домашние тапочки на кроличьем меху. Очень уютные. Не знаю, что случилось с самим кроликом. Наверное, пошел на рагу...

Щелк! Я вынырнула из воспоминаний. Нужно сосредоточиться.

– Слушайте внимательно, – приказала нам Марта. – Я не стану повторять...

Бам! Это снова распахнулась дверь, и в нее впорхнула еще одна девушка, сутулая, с круглыми щеками, как белка, собравшаяся припрятать горсть орехов на зиму.

– Прошу прощения...

Новенькая застенчиво улыбнулась и опустила взгляд на свои туфли. Я тоже посмотрела на них. Очевидно, она смущалась потому, что на ногах у нее была разная обувь. На одной ноге – атласная туфелька болезненно-зеленого цвета с металлической пряжкой, на другой – грубый кожаный башмак с оборванными шнурками. Когда нас впервые переодевали, то просто накидали разномастной обуви. Неужели эта Белка не смогла найти нормальную пару? Уверена, она бесполезна. И еще этот ужасный, ужасный акцент. Богачка.

– Я немного опоздала, – сказала она.

– Не стоит, – ответила Марта. – Кажется, среди нас *леди*. Как мило с вашей стороны присоединиться к нам, *мадам*. Чем могу служить?

– Говорят, в швейной мастерской неожиданно открылась вакансия, и вам нужны хорошие работницы.

– Нужны, черт возьми! Хорошие портнихи, а не леди из высшего общества. Ты выглядишь как дама, привыкшая сидеть на подушках и расшивать шелком мешочки с лавандой и прочие бесполезные мелочи. Я права?

Белка, казалось, даже не поняла, что над ней издеваются.

– Да, я умею вышивать, – сказала она.

– Ты будешь делать то, что я тебе прикажу! – рявкнула Марта. – Номер?

Белка приняла элегантную позу. Как ей удавалось выглядеть так непринужденно в такой несурзной обуви?

Это была не девушка моего круга. Несмотря на то что одеты мы были одинаково плохо, ее превосходство чувствовалось. Не внешнее, а внутреннее. Свой номер она произнесла с идеальным выговором. Мы с Кроликом тоже продиктовали свои номера. Кролик даже слегка заикалась.

– Ты! – Марта указала на Кролика. – Ты что умеешь?

– Я? – Она вздрогнула. – Я умею шить.

– Идиотка! Разумеется, ты умеешь шить, иначе тебя бы здесь не было! Разве я давала объявление, что мне нужны портнихи, которые не умеют шить? Сюда сбежалась целая толпа желающих увильнуть от более тяжелой работы.

– Я... Я шила дома. Одежду для своих детей, – ответила Кролик, и ее лицо вдруг стало смятым, как носовой платок.

– Боже, ты ведь не собираешься плакать? Терпеть не могу сопли. Что насчет тебя? – Марта обернулась, чтобы взглянуть на меня. Я сжалась под этим взглядом, как шифон под горячим утюгом. – А ты не рано сюда пришла? Сколько тебе лет?

– Шестнадцать, – неожиданно сказала Белка. – Ей шестнадцать. Она сказала так при знакомстве.

– Я не тебя, я ее спрашиваю.

Я сглотнула. Шестнадцать было здесь числом магическим. Если ты младше, ты бесполезен.

– Она права. Мне шестнадцать.

Будет. Когда-нибудь.

Марта фыркнула:

– Попробую угадать. Ты тоже умеешь шить. Платья для своих кукол. Сможешь пришить пуговицу, когда закончишь с домашним заданием. Серьезно? Почему я должна тратить свое время на таких кретинок? Мне не нужны школьницы. Проваливай!

– Нет, постойте, я буду полезной. Я же...

– Что ты же? Мамина дочка? Отличница? Пустое место? – Марта махнула рукой и повернулась, собираясь уйти.

Вот так? Я провалила свое первое в жизни собеседование? Катастрофа! Это означает, что мне придется вернуться к... к чему? К работе в лучшем случае посудомойкой или прачкой. В худшем – попаду в каменоломни... или вообще никуда не попаду, и это ужаснее всего. Не думай об этом. Соберись, Элла!

Моя бабушка, у которой был девиз на все случаи жизни, говорит: *«Если сомневаешься, подними голову, выпрями спину и будь сильным»*. Поэтому я вытянулась во весь рост, который был немаленьким, набрала в грудь воздуха и заявила:

– Я закройщица!

– Ты? – обернулась Марта. – Ты? Закройщица?

Закройщица – это портниха высшей категории, она разрезает ткань на куски, которые превратятся в настоящую одежду. И никакие способности швеи не смогут спасти одежду, если раскрой сделан плохо. Поэтому хорошая закройщица ценится на вес золота – во всяком случае, я на это надеялась. Золото мне нужно не было, мне нужна именно эта работа, чего бы мне это ни стоило. Это работа мечты, если бы вы могли мечтать в таком месте, как это.

До этого момента остальные портнихи не обращали на нас никакого внимания, но сейчас – я это почувствовала – прислушались к разговору. Ждали, что будет дальше, не переставая строчить.

– Да, – продолжила я. – Я опытная закройщица и портниха. Я... Я сама придумываю фасоны. Однажды у меня будет свое ателье.

– Однажды у тебя? Ха! Это шутка? – Марта усмехнулась.

– Нам нужна хорошая закройщица; Рода заболела и не может больше работать, – заговорила сидевшая за ближайшей к нам машинкой женщина, зажимая в зубах булавки.

– Это верно, – медленно кивнула Марта. – Ну, ладно, поступим таким образом. Ты, принцесса, отправляйся гладить и убираться. Твои нежные ручки должны слегка огрубеть.

– Я не принцесса, – сказала Белка.

– Быстро!

Затем Марта осмотрела меня и Кролика с ног до головы.

– Что касается вас, два жалких подobia швей, вы пройдете испытание. Скажу прямо: работа у меня есть только для одной из вас. Только для одной, понятно? Если не справитесь с моими требованиями – а они у меня очень высокие, – я вышвырну отсюда вас обеих. Я прошла очень хорошую школу.

– Я не подведу, – ответила я.

Марта выбрала из лежавшей неподалеку груды одежды полотняную блузку, окрашенную в такой свежий, мятный цвет, что ее практически можно было ощутить на языке.

– Распустишь ее и слегка расширишь, – распорядилась Марта. – Это жены одного офицера, она сливки пьет кружками, поэтому стала толще, чем ей кажется.

Сливки... сливки! Бабушка заливает ими клубнику в своей любимой кружке с зелеными цветами...

Я мельком увидела этикетку на воротничке, и у меня на секунду остановилось сердце. Там стояло имя одного из самых известных в мире домов моды. Такого знаменитого, что я даже в окна этого салона не посмела бы заглянуть.

– А ты... – Марта сунула мне в руки лист бумаги. – Еще одна наша покупательница, Карла, заказала платье. Вечернее, для субботнего концерта или чего-то подобного. Вот ее мерки, посмотри и запомни, я заберу листок. Можешь использовать манекен номер четыре, ткань выбери сама.

– Какую?..

– Выбирай то, что подойдет блондинке. Но сначала вымойся в той раковине и затем надень рабочий комбинезон. В моей мастерской чистота – непереносимое условие. Никаких грязных отпечатков пальцев, кровавых пятен и пыли на ткани. Ясно?

Я кивнула, из последних сил стараясь не заплакать.

– Считаешь меня суровой? – Ее губы дернулись в улыбке. Она прищурилась и указала кивком в дальний угол комнаты: – В таком случае не забывай о том, кто стоит там.

Там, прислонившись спиной к стене, стояла и внимательно разглядывала свои ногти темная фигура. Я взглянула на нее один раз и отвернулась.

– Так чего ты ждешь? Первая примерка в четыре.

– Вы хотите, чтобы я с нуля сделала платье до четырех? Это...

– Слишком сложно? Слишком мало времени? – презрительно усмехнулась она.

– Нет. Я смогу.

– Тогда вперед, школьница. И помни, я жду, что ты продумаешь...

– Меня зовут Элла, – сказала я.

«Плевать» – было написано на ее равнодушном лице.

Раковина в мастерской была одной из тех массивных керамических приспособлений с рыже-зелеными подтеками, где под кранами плачут трубы. Мыло едва мылилось, но это лучше, чем ничего, чем то, что у меня было последние три недели. Здесь было даже полотенце, полотенце! Я завороченно смотрела на чистую воду из крана.

За моей спиной Белка ждала своей очереди.

– Похоже на жидкое серебро, верно? – сказала она.

– Тсс! – нахмурилась я, вспомнив о застывшей в дальнем углу комнаты темной фигуре.

Я неторопливо умывалась. Белка подождет. О том, как важно быть чистой и прилично выглядеть, я знала и не будучи аристократкой. Внешность важна. Бабушка всегда ругается, если видит грязь на руках, под ногтями или в других местах. *«У тебя за ушами картошку сажать можно!»* – говорит она, и я снова иду к умывальнику.

«Чистые руки – залог чистой работы» – еще один любимый девиз. Еще бабушка бормочет: *«В хозяйстве все пригодится»*.

И если случается что-то плохое, она пожимает плечами и говорит: *«Все лучше, чем мокрой селедкой по лицу!»*

Я никогда не любила копченую рыбу. Ее запах стоял в доме несколько дней, и в ней всегда попадались кости. Даже когда бабушка говорит: *«Не волнуйся, она без костей»*. А потом начинаешь задыхаться, когда одна из тонких костей застревает в горле. И необходимо взять

салфетку и аккуратно вытащить ее, не привлекая к себе внимания других за столом. Вытащить, положить на тарелку и не смотреть на нее до конца трапезы. Стараться не смотреть, хотя знаешь, что она рядом.

Здесь, в Биркенау, я решила видеть только то, что хочу. Каждая секунда из прожитых мной трех недель была ужасной, намного хуже любой селедочной косточки. Я чувствовала себя какой-то бездушной куклой, которую толкают то туда, то сюда, заставляют ждать, стоять, идти, сидеть на корточках. Я не находила слов, чтобы спрашивать о том, что это за место и что здесь творится. Впрочем, мне не хотелось знать ответы. Теперь, оказавшись в швейной мастерской Марты, я вдруг снова почувствовала себя живой, вдохнула свежего воздуха. Забыла о том, что окружало меня. Мир сузился до платья Карлы.

Итак, с чего же начать?

Первая примерка уже в четыре. Невозможно. Придумать фасон, выбрать ткань, раскроить ее, сметать, отпарить. Я собиралась провалить испытание, как и ожидала Марта.

«Не думай о том, что можешь потерпеть неудачу, – сказала бы моя бабушка. – Ты можешь сделать что угодно. Кроме выпечки. Тосты у тебя паршивые».

Я стояла в близком к панике состоянии и чувствовала на себе чей-то взгляд. Это Белка смотрела на меня, склонившись над гладильной доской. Скорее всего, смеялась. А почему нет?

Я повернулась к ней спиной и потопала в своих дурацких, слишком больших башмаках к полкам с тканью. Подошла ближе и моментально забыла о Марте с ее угрозами. До чего же радостно и приятно было видеть цвета, кроме коричневого. Три недели ничего, кроме древесно-коричневого, грязно-коричневого и других, слишком ужасных, чтобы вспоминать.

Теперь перед моими глазами предстал целый калейдоскоп ярких красок. Марта сказала, что Карла – блондинка. Что же мне выбрать для блондинки? По контрасту с царящим во всем Биркенау коричневым первым мне в голову пришел зеленый. Блондинкам идет зеленый. Я начала подбирать оттенок. Там был мшистый темно-зеленый бархат. Светло-зеленый шифон, блестящий, как в серебристом лунном свете. Яркая хлопчатобумажная зеленая ткань с узором из листьев. Атласные, словно светящиеся изнутри ленты... И мой любимый изумрудный шелк, напоминающий прохладную воду под пестрыми деревьями.

Мысленно я уже видела платье, которое сошью для Карлы. Мои руки уже обрисовали в воздухе фигуру, коснулись невидимых плеч, прошли по швам, очертили юбку. Я оглянулась. Мне нужен был стол. Стол и бумага для раскройки. Карандаш, булавки, ножницы, иглолка, нитка, швейная машина и *завтрак*. Боже, так голодна...

– Прости, – тронула я за рукав проходившую мимо меня высокую, тоненькую, как пруттик, швею. – Не подскажешь, где мне найти...

– Тсс, – перебила меня девушка, изобразив пальцами жест «рот на замок». У нее были поразительно красивые, элегантные пальцы как из рекламы лака для ногтей, но без лака.

Я уже открыла рот, чтобы спросить, почему здесь запрещено разговаривать, но передумала. Хотя фигура в дальнем углу, похоже, не смотрела в нашу сторону, кто знает...

Худенькая девушка – Жираф, так я назвала ее про себя – сделала знак рукой и повела меня через ряды сидящих за швейными машинами работниц к стоявшему у дальней стены столу для раскройки. Она указала на свободный стул. За столом уже трудились три швеи, которые подвинулись, освобождая для меня место. Среди них была и Кролик, она нервно рассматривала вывернутую наизнанку блузку цвета свежей мяты.

Я села с лоскутом изумрудного шелка в руках. Надо было сделать выкройку. Бумагу и огрызок карандаша держала одна из девушек. Я сделала глубокий вдох и поднялась, чтобы жестом показать, что мне тоже нужны бумага и карандаш. Девушка ошетибилась, словно ежик, и придвинула бумажный рулон ближе к себе. Я взялась за рулон и сильно потянула на себя.

Ежик дернула его обратно. Я снова рванула бумагу на себя, уже сильнее, и вырвала ее из рук девушки. Затем отобрала у нее и карандаш.

Марта смотрела на нас. Мне показалось, что она улыбнулась? Она коротко кивнула, словно подтверждая, что так здесь все и устроено.

Я развернула рулон. Бумага была коричневой, гладкой и блестящей с одной стороны и шероховатой, покрытой бледными полосками – с другой. Как оберточная бумага для упаковки колбасы. Замечательные сочные колбаски с кусочками мелко нарубленного лука. Или с томатом, огненно-красные от жара сковородки. Или с травами, базиликом и тимьяном.

В животе заурчало.

Бабушка всегда чертит выкройки на газете. Она в считанные секунды могла набросать готовую выкройку платья или костюма прямо на развороте местной газеты. Потом режет прямо по заголовкам, рекламным объявлениям и биржевым сводкам. Если платье сделано по ее выкройке, покупатель остается довольным первой же и единственной примеркой. Моим выкройкам требуется несколько проб. Бабушка обычно смотрит за моей работой, стоя за плечом. Теперь я была одна. И слышала тиканье невидимых часов в моей голове – первая примерка в четыре...

Наконец выкройка была нарисована.

– Эй, – шепнула мне женщина напротив. Она была коренастой и с рыхлой кожей. Про себя я назвала ее Лягушкой. – Оставишь мне немного бумажных обрезков?

Она обметывала петли на шерстяном, цвета зеленого яблока, демисезонном пальто. Такое пальто идеально подходит для весны, когда нет уверенности в том, тепло на улице или еще прохладно. У нас во дворе перед домом росла яблоня. Всегда казалось, что пройдет целая вечность, прежде чем цветы превратятся в плоды. В один год плодов на этой яблоне созрело столько, что ее ветки согнулись под грузом, как моя спина, когда я склоняюсь над шитьем. Тогда у нас было в достатке слоеных яблочных пирожков, шарлоток и даже сидра с искристыми пузырьками. Когда началась война, один из соседей и порубил яблоню на дрова. Он сказал, что нашему народу не нужны деревья.

– Немного обрезков? – выдернула меня из воспоминаний Лягушка.

Я огляделась. Разрешается ли здесь прятать и отдавать кому-нибудь обрезки бумаги? Пока я раздумывала над тем, как мне ответить, Лягушка нахмурилась и отвернулась.

Я тяжело сглотнула и крикнула:

– Ножницы! – Голос прозвучал хрипло, и я повторила громче: – Ножницы!

Сцена, которую я видела раньше, повторилась. От стола к столу медленно передавали ножницы. Они оказались стальными и острыми, с широкими ручками. Бабушке бы понравилось.

Я снова сглотнула:

– Булавки?

Очертания коробочки для булавок я заметила раньше в кармане рабочего комбинезона Марты.

Марта подошла и отсчитала двадцать булавок. Я сказала, что этого будет мало. Бабушка всегда говорит, что шелк нужно весь утыкать булавками, чтобы не скользил.

– Ты делаешь платье из шелка? – спросила Марта таким тоном, словно этим я подписала себе смертный приговор. – Не испорти!

Она фыркнула и отошла от стола. Я ей позавидовала. Целая комната людей, вздрагивающих от каждого слова, следующих приказам. Кроме того, приличные туфли и нарядное платье, выглядывающее из-под рабочей одежды, помада на губах. Здесь таких называют капо¹.

¹ Капо – привилегированный заключенный в концлагерях Третьего рейха, мог выполнять функции старосты барака, над-

Они наделены привилегиями и властью, достаточной властью, чтобы командовать остальными. Оставаться в рамках закона пытались немногие, а в основном это были жестокие люди, похожие на школьных хулиганов, считающих, что издевательства над слабыми делают их лучше. Живи мы в дикой природе, Марта была бы акулой, а все мы – маленькой рыбкой в ее океане.

Судьба рыбешек – быть съеденными. Цель акулы – выжить. Так не лучше ли быть хищником, чем жертвой?

Булавки были слишком толстыми. Не такими булавками-малютками, которыми учила меня пользоваться бабушка при работе с шелком. Потому я не посмела усеять ими всю ткань, чтобы не наделать дыр. За ножницы я тоже взялась не без опаски. Мне всегда нравился звук, с которым они рассекают ткань, и то волнение, которое возникает в процессе. Но на этот раз меня охватил страх. После того как ткань разрезана, ей уже не придашь первоначальный вид, поэтому нужно быть абсолютно уверенным в своем желании доверить ткань этому сверкающему лезвию.

Я оперлась ладонями на крышку стола, дожидаясь, пока руки перестанут дрожать. Резать предстояло стоя, а я уже не держалась на ногах. Бабушка любит кроить прямо на полу, там больше места. Но вряд ли пол в мастерской достаточно чистый. Я разложила шелк на столе и прикрепила к нему булавками бумажную выкройку, я почти готова...

«Когда начнешь кроить, режь серединкой лезвий, длинными ровными движениями...»

Если бы все было так просто. Этот шелк скользил по столу, как змея, ищущая мышь на заросшем травой лугу. Но здесь нет мышей, потому что здесь им нечего есть. Как и нам. Только воздух, пух и пыль.

Кролик посмотрела на ножницы и потянулась к ним. Я подняла ножницы и стала щелкать ими в воздухе, словно перерезая невидимые нити.

– Можно мне?.. – прошептала Кролик, сглотив.

Я сделала вид, что не слышу. Не знаю почему. Ножницы Кролику я передала только тогда, когда тянуть время стало больше невозможно.

– Спасибо, – произнесла она так, словно я совершила подвиг.

Я сморщилась, когда она неуклюже распоролла блузку от знаменитого кутюрье. Зеленую блузу украшал белый кружевной воротничок, напоминающий лапку петрушки.

По моим подсчетам, я закончу кроить и сметывать друг с другом отдельные детали платья примерно к полудню. Обеденного перерыва в Биркенау нет, поэтому, когда именно наступает полдень, не представляется возможным определить точно. Когда я работала под открытым небом, то определяла это по солнцу, которое стояло высоко и светило особенно жарко. Середина между завтраком и ужином. В швейной мастерской без часов на стене время отсчитывали щелчки ножниц, шорохи наматываемой на шпульку нити и ровный стрекот машин. Иногда слышался тонкий металлический звон и следом крик Марты:

– Булавка!

Сидевшие за ее спиной портнихи закатывали глаза и беззвучно, одними губами передразнивали: *«Булавка! Булавка! Булавка!»*

Темная фигура в дальнем углу стояла неподвижно. Мне даже показалось, что она уснула. Неожиданно Марта оказалась за моим плечом:

– Закончила, школьница?

– Платье сметано, можно шить, – ответила я.

Марта указала на свободную швейную машину. Я села, дрожащими руками установила шпульку, пропустила нитку в ушко.

Первая примерка в четыре...

Я поставила свою ногу на педаль, приготовилась шить. Игла заходила вверх и вниз слишком быстро, и нитка запуталась. Кровь бросилась мне в лицо, но ничего непоправимого я не натворила.

Я попробовала снова. Уже лучше. Я проверила натяжение нити, отрегулировала скорость, сделала глубокий вдох и начала.

Этот стук был таким знакомым – металлическое жужжание единого механизма. Я снова почувствовала себя дома. Если бы это только было реальностью. Когда бабушка шила, я возилась на полу, поднимая упавшие булавки и обрывки ниток. Своей швейной машине бабушка даже дала имя – *Бетти*. Бетти была старушкой. Антикварным произведением искусства. На боку у нее красовалась черная эмалевая табличка с золотыми узорами, на ней было выгравировано имя бабушки. Работая на машине, бабушка всегда надевала свои любимые тапочки из молескина с надрезами по центру для ее распухших ступней. Когда она шила, ткань, казалось, сама, словно по волшебству, ровно-ровно ложилась под иглу. Я, конечно, такой магией не обладала, но знала, что у меня за спиной всегда стоит бабушка, в любой момент готовая прийти на помощь.

На ткань капнула слеза. Шелк в тусклом свете казался ядовито-зеленым. Я шмыгнула носом. Сейчас не время углубляться в воспоминания. Нужно просто сосредоточиться и шить, строчка за строчкой. Сначала лиф, затем юбку, рукава и плечики.

Прострочив очередной шов, я каждый раз вскакивала из-за машины и шла к Белке, чтобы отутюжить ткань. Это секрет хорошего результата, о нем известно даже новичкам.

Утюг в мастерской был электрическим, подсоединенным к свисавшему с потолка проводу. Я молилась о том, чтобы он не оказался слишком горячим и не прожег тонкую шелковую ткань. Особенно потому, что Белка, кажется, вообще не умела обращаться с ним. Может, она никогда в жизни не выполняла работу по дому самостоятельно.

– Ты раньше гладила одежду? – спросила я, в первый раз подходя к ней.

Белка жалобно улыбнулась и покачала головой:

– Утюг очень тяжелый. И горячий.

– Да кто бы только мог подумать? – притворно удивилась я.

Белка взяла у меня платье и плюнула на утюг, проверяя, насколько он горячий. Слюна зашипела, и девушка, поправив термостат, отгладила платье с удивительной ловкостью.

– Спасибо, – ответила я.

Белка протянула мне раскрытую ладонь, словно требуя плату за свою работу, потом хихикнула:

– Просто шучу. Я Роза.

Услышать имя вместо номера здесь было все равно что развязывать атласный бант на коробочке с драгоценным подарком.

– Элла.

– На самом деле я не принцесса.

– И я.

– Я всего лишь графиня, – усмехнулась Роза.

Марта вежливо кашлянула. Нужно вернуться к работе.

Каждые несколько минут я тайком поглядывала на Кролика. Она сосредоточенно строжила, низко склонившись над машиной.

Боже, неужели она не замечает, что допустила ошибку? Швы она распустила хорошо, но рукава пришивает совершенно неправильно, задом наперед. Надеть такую блузку смог бы только человек со сломанными руками.

– Эй! – Имени ее я не знала, а на Кролика она, скорее всего, не откликнулась бы. – Эй, ты!

Она подняла голову, и тут я вспомнила предупреждение Марты: *«Работа у меня есть только для одной из вас»*.

И эта работа должна достаться мне. Я не собираюсь барахтаться в грязи с другими безымянными неудачниками. У меня есть способности. Талант. Амбиции. Разве я не заслуживаю приличной работы и шанса подняться? Бабушке бы не понравилось смотреть на то, как я проигрываю. Она ждет меня дома. Я должна выжить и добиться успеха. А Кролик должна научиться защищать себя самостоятельно. Поэтому я отвернулась от испорченной блузки и покачала головой – нет, ничего.

И Кролик продолжила дальше портить блузку. Я отпарила складки на платье, вшила «молнию» и начала вручную прошивать самый аккуратный за всю историю мира вырез. Моя голова клонилась все ниже и ниже. Так хотелось просто закрыть глаза и немного поспать. Когда я нормально высыпалась в последний раз? Три с лишним недели тому назад. Может быть, мне правда стоит немного вздремнуть?

Оу! Кто-то разбудил меня, толкнув в бок. Сколько я проспала? Минутку? Век? Я оглянулась вокруг. Белка Роза разбудила меня.

Почти четыре! Я суетливо принялась за работу и все еще вытаскивала наметку, когда Марта подошла к нам.

– Ну, дамы, как прошел ваш первый и, возможно, последний рабочий день в моем салоне? Показывай платье, школьница!

Я встряхнула его и передала Марте. Сейчас оно казалось мне зеленой половой тряпкой. Худшим изделием в истории портновского ремесла! Я чувствовала, что все работницы мастерской смотрят. И не могла вздохнуть.

В полной тишине Марта внимательно изучила каждый сантиметр изумрудного шелка. Так же молча подняла его вверх и встряхнула.

– Ну, что ж, – сказала она наконец. – Шить ты умеешь. И даже неплохо. Я-то знаю, мне довелось работать в лучших ателье.

Она щелкнула пальцами, чтобы Кролик показала ей блузку. Женщина побледнела от ужаса, ее руки словно приклеились к ткани. Свою ужасную ошибку она обнаружила одновременно с Мартой.

– Простите, простите, – забормотала она в панике. – Я знаю... рукава... задом наперед. Я переделаю... Позвольте мне остаться... пожалуйста.

– Я предупреждала: в моей мастерской есть место только для одной из вас, – низким, угрожающим тоном произнесла Марта. – Не так ли, школьница?

Мое сердце гулко билось в груди. Я хотела защитить ее, сказать, что это недоразумение, что Кролик устала, перенервничала. Но слова застряли у меня в горле, как бывает во сне, когда хочешь позвать на помощь, но не можешь. Мне было ужасно стыдно, но я молчала.

– Это просто недоразумение, – раздался негромкий застенчивый голос. – Она больше не допустит такой ошибки.

Белка стояла позади Марты, маленькая настороженная, готовая в любой момент сбежать.

Марта проигнорировала слова Розы с таким видом, будто они действительно были беличьим писком.

– Проваливай отсюда, идиотка! – крикнула она Кролику. – Или мне помочь тебе убраться?

Марта замахнулась и сделала шаг вперед. Темная фигура в дальнем конце комнаты зашевелилась и расправила плечи.

Побелев от страха, Кролик бросилась к двери и исчезла за ней. Мы просто смотрели ей вслед, чувствуя себя в относительной безопасности в мастерской.

Когда дверь за Кроликом захлопнулась, Марта глубоко вздохнула, словно говорила: *«Разве вы не видите, как мне тяжело?»*

Затем взяла мое зеленое платье и направилась в дальний конец комнаты. Очевидно, в примерочную, где Клара примерит его, и станет ясно, получила я работу в мастерской Марты или нет.

– Что с ней будет... с этой женщиной, которую прогнали? – шепнула я сидевшей рядом Лягушке.

– Кто знает? – ответила та, не поднимая головы от своего шерстяного яблочно-зеленого пальто. – Может быть, то же самое, что и с Родой, чье место ты надеешься занять.

Я подождала, но Лягушка больше ничего не сказала, продолжала сосредоточенно шить, стежок за стежком. Из примерочной появилась Марта. Я не отрываясь следила, как она медленно, словно акула, лавируя между швейными машинами, приближалась ко мне. Когда Марта подошла, я встала так быстро, что уронила стул.

– Булавки! – скомандовала она.

Я принялась шарить по столу. Марта открыла свою коробочку, и я по одной положила в нее все двадцать булавок. Затем Марта собрала со стола все оставшиеся лоскутки шелка и мои бумажные выкройки. Лягушка нахмурилась, когда стало ясно, что обрезки ей не достанутся. И я мысленно спросила себя, зачем они ей.

Марта оглядела меня с головы до ног. Под ее взглядом я почувствовала себя так, словно мне душу скребут жесткой проволочной губкой для чистки сковородок. Наконец она неохотно закончила мои муки:

– Покупательница сказала, что платье вышло очаровательным.

Я вздохнула с облегчением.

– В награду она дала мне это. Плюс этой работы – поощрение за качественный труд. – Марта развернула бумагу. Внутри лежал ломоть черствого черного хлеба, тоненько намазанный маргарином. В два раза больше моего дневного пайка.

– Эмм... спасибо, но я не голодна, – поразительно, но я была так испугана, не смогла бы проглотить ни крошки.

– Врунья! Что ты здесь получаешь? Кружку мутной бурды под названием кофе на завтрак и миску коричневой водички под названием суп на ужин. И ты достаточно голодна, чтобы подавить в себе глупые угрызения совести из-за той неумехи, которую я вышвырнула. Ты достаточно голодна для того, чтобы сделать все возможное и выжить. И, поверь, это единственный путь.

Она знала, что я заметила ошибку Кролика. Знала, почему я ничего не сказала. И одобрила.

Стоя прямо передо мной, Марта съела весь кусок хлеба и сказала, облизывая пальцы:

– Смотри и учись, Элла. Смотри и учись.

В ту ночь я почти не спала, а когда все же засыпала, мне снились зеленые платья, плывущие одно за другим на показе мод.

Многие люди смеются над модой. *«Это всего лишь одежда»*, – говорят они.

Верно. Всего лишь одежда. Но никто из тех, что говорили, не ходил голым. Все одевались утром, тщательно подбирая вещи, причем их одежда говорила:

«Эй, я успешный банкир». Или *«Я занятая мать».* Или *«Я уставший учитель»...* *«Солдат с боевыми наградами»...* *«Надменный судья»...* *«Развязная барменша»...* *«Водитель грузовика»...* *«Медсестра»...*

Этот ряд можно продолжать до бесконечности. Одежда четко дает понять, кто ты такой или кем ты хочешь быть.

Но они говорят: *«Как ты можешь беспокоиться о моде, когда есть более важные вещи, например война?»*

О, меня очень беспокоит война. Война перевернула всю нашу жизнь. Еще раньше я часами простаивала в магазинных очередях, чтобы оказаться перед пустыми полками. Еще больше времени провела в подвале, куда мы спускались во время бомбежек. Я помню бесконечные военные сводки и как дедушка размечал линии боевых действий на приколотой к кухонной стене карте. Я знала, что скоро будет война. Но сначала она была только разговорами других людей на улицах. Разговорами на уроках истории в школе. Война была тем, что случилось где-то далеко и с другими людьми.

А потом она дошла до моей страны. Моего города.

И привела меня в Биркенау, более известный как Аушвиц-Биркенау. В место, куда попадают, но откуда не возвращаются.

Здесь люди узнают, что одежда – не такая не важная вещь, особенно когда у тебя ее больше нет.

Первое, что Они сделали, когда мы вылезли из вагонов, – приказали раздеться. Спустя несколько минут нас разделили на мужчин и женщин, загнали в какую-то комнату и приказали снять одежду. Прямо там, у всех на глазах. Даже нижнее белье не разрешили оставить.

Одежду сложили в кучи. Без нее мы перестали быть банкирами, учителями, медсестрами, барменшами или водителями грузовиков. Это было страшно и унижительно.

Всего лишь одежда.

Я смотрела на кучку своей одежды и запоминала мягкую шерсть моего джемпера. Это был мой любимый зеленый джемпер, расшитый вишней, бабушкин подарок на день рождения. Запоминала аккуратные стрелки брюк и свернутые клубком носки. Запоминала лиф – мой первый в жизни лиф! – его вместе с трусиками я спрятала поглубже.

Затем Они забрали наши волосы. Все волосы. Сбрили тупыми бритвами. И выдали мягкие треугольные отрезки ткани вместо платков – прикрыть голову. Приказали выбрать обувь из огромной, высотой с дом, кучи. Я нашла пару одинаковых башмаков. Розе, очевидно, повезло меньше, с ее шелковой туфлей и грубым ботинком.

Они сказали, что вернут одежду после душа. Они лгали. Нам выдали полосатые рубы из мешковины. Полосатые, мы метались, как стадо испуганных зебр. Мы больше не были людьми, мы были номерами. Теперь Они могли делать с нами все что угодно.

– Плевать, что ты думаешь! – воскликнула Марта на следующее утро, когда я появилась в мастерской с красными от недосыпа глазами, но горящая желанием немедленно приняться за шитье...

...и вместо этого получила приказ натереть пол в примерочной.

– Я думала, что меня взяли сюда портнихой, а не уборщицей, – ответила я.

Удар был таким стремительным, что мне не удалось увернуться. Жесткая ладонь хлестнула по лицу с той стороны, где еще не было синяков. Это было так неожиданно, что я автоматически вскинула вверх руку, чтобы дать отпор, но вовремя остановилась.

Глаза Марты сверкнули, как будто она поняла мое намерение. Она хотела показать мне, кто здесь главный. Хорошо. Она.

Я умылась, надела коричневый комбинезон и собрала все необходимое для натирки полов. Я заметила, что Розы не было за гладильной доской. Интересно, что с ней случилось? Скорее всего, она слишком слаба для жизни здесь. Такие, как она, очень милы, но бесхребетны. Конечно, ко мне это не относится. Я здесь не для того, чтобы заводить новые знакомства.

Я открыла дверь примерочной и застыла на пороге, разинув рот от удивления. В Биркенау все было так серо и голо, что я успела забыть, как может выглядеть хорошо обставленная комната.

Прелестные абажуры ламп, а не просто голые лампочки в проволочных клетках. В одном углу комнаты стояло кресло. Настоящее кресло с тесьмой и пухленькой зеленой-зеленой подушкой! Будь я кошкой, свернулась бы на нем и спала до тех пор, пока кто-нибудь не поставит рядом блюдце сливок.

Красивые хлопковые шторы закрывали вид из окна. Бетонные стены покрывали бумажные обои с узором из ярких пионов. В центре комнаты располагался невысокий помост для примерки, а вокруг него – настоящие плетеные коврики и выстроившиеся в ряд портновские манекены.

Но сильнее всего меня поразило зеркало.

Это было фантастическое наклонное зеркало в полный рост. Его белую раму украшали позолоченные узоры. Такое зеркало могло бы стоять в примерочной лучшего дома моды. Я сразу же представила себя прогуливающейся по мягким коврам, оценивающей, как мое платье смотрится на очередной покупательнице – безумно богатой. Конечно, у меня есть список таких покупателей, записывающихся в очередь ожидания. Вокруг снуют работницы, спешат выполнить любое мое распоряжение. И чашечки чая на серебряных подносах, розовые пирожные, крошечные, воздушные, покрытые сахарной пудрой...

– Привет, Элла...

Этот голос обрывает мои мечты. Повернувшись, я вижу в зеркале собственное отражение. Что за чудело! Уродливая одежда, дурацкая обувь, опухшее лицо. А из модных аксессуаров только фланелевые варежки, желтая половая тряпка и жестянка с воском для полировки. Рядом со мной в отражении стояла Белка, Роза держала в руках ведро с горячей водой. Ее рукава были подвернуты, а изящные руки покраснели.

– Я мою окна! – сказала она восхищенно, как будто получала от этого истинное удовольствие. – Только не достаю до верха.

Роза действительно была крошечной, а я настолько высокой, что как раз могла сойти за шестнадцатилетнюю. Высокой, но не фигуристой. Даже до того, как нас перевели на мышинный паек, мне был велик даже самый маленький лиф, а школьные юбки так и норовили соскользнуть с прямых и узких бедер. Хотя я ела, ела и ела. Бабушка успокаивала меня: «Подожди, пока тебе стукнет сорок, тогда посмотрим, будешь ли жаловаться на худобу. Я в этом возрасте раздобрела».

Сорокалетних и старше в Биркенау было мало, а те, что мне встретились, выглядели на восемьдесят.

Молодые были крепче, жили дольше. Молодые, но не слишком юные. Не младше шестнадцати – о чем мне напомнила вчера Роза. Иначе...

И тут я забыла и о Розе, и об остальном. Потому что увидела кучу модных журналов на столике. «Мир моды» и «Модный календарь». Те самые, что продаются в лавке у дома. Продавщица – похожая на маленького нервного хомячка женщина с большими золотыми серьгами – всегда оставляет по одному номеру каждого журнала для нас с бабушкой.

Дома мы часами разглядываем страницу за страницей, забывая о войне.

«По-моему, швы здесь расположены слишком близко друг к другу», – говорит бабушка, протягивая фотографию. Или: «Эти карманы перенести бы на то платье, и красота!»

А иногда мы с ней дружно хором вскрикиваем: «Какой чудовищный цвет!» или «До чего роскошный костюмчик!»

Потом бабушка обычно варит кофе – не такой крепкий, как она делает дедушке, – и наливает в маленькие чашечки, добавляя в свою немного зеленой жидкости из матовой бутылочки и поясняет – для бодрости.

Капли воды упали на обложки журналов. Это Роза пыталась дотянуться до верхних окон, балансируя с ведром воды на ручке кресла.

– Прости! – пролепетала она.

«Прости» на хлеб не намажешь», – говорит бабушка.

– Я могла бы...

– Правда? Спасибо! – Роза прыгнула и передала мне ведро.

Я собиралась сказать, что могла бы поддержать кресло, чтобы оно не шаталось, но Роза подумала, что я предлагаю вымыть окно за нее. Меньше всего мне хотелось видеть то, что находится по ту сторону этого убежища. Мне и так было известно, что там я не увижу ни клочка зелени. Только одни сторожевые вышки, как аисты вдоль заборов из колючей проволоки. И печи. Дым из труб.

Когда закончила, Роза с улыбкой поблагодарила меня. Я пожала плечами и пошла поднимать коврики, продолжая думать о чудесных фотографиях из «Модного календаря». Я уже успела придумать столько новых идей для платьев благодаря им! Позволит ли мне Марта вновь взяться за шитье, если я до блеска натру полы в примерочной? Это было мое самое любимое занятие на свете. И кроме того, за качественный труд можно было получить награду. Я поступила так глупо вчера, не взяв тот кусок хлеба. Уборка может помочь мне вернуться к шитью и получить еду. Отлично.

Я опустила на колени и начала натирать пол. Вскоре я приспособилась – на руках рукавицы, делаешь круговое движение правой рукой, затем левой рукой и так далее.

– Ты делаешь неправильно, – сказала Роза, отставляя свое ведро в сторону.

Ее хорошо – слишком хорошо – поставленный голос вызвал замешательство. Она специально обращает внимание всех на свое великосветское произношение, чтобы на ее фоне мы все чувствовали себя деревенщинами, так?

– Откуда ты знаешь, как убираться? – хмуро посмотрела я на Розу. – Мне казалось, ты графиня, разве у таких нет армии слуг для натирки полов в особняках?

– Не армия, конечно, но достаточно много.

– Все-таки богачка?

– Была.

– Повезло.

Она развела руками, словно говоря: «Посмотри, как повезло».

– И все же о том, как нужно натирать полы, я знаю лучше, чем ты. Смотри.

Она скинула свою дурацкую разномастную обувь и надела варежки... себе на ноги. Покачивая бедрами, словно исполняла танцевальное движение шимми², прошла влево, прошла вправо. Она щелкнула пальцами и начала напевать. Я узнала мелодию! Бабушка часто мурлыкает ее за шитьем, мягко постукивая в такт тапочками.

– Роза! А если кто услышит?

Она хихикнула, и я не смогла сдержать ответного смеха. А затем Роза вдруг сорвалась с места и понеслась по полу, словно фигуристка по льду, – по кругу возле подиума и зеркала к тому месту, где я все еще стояла на коленях с рукавицами в руках.

– Могу я пригласить вас на танец? – спросила она и изящно, по-королевски, поклонилась.

– Ты с ума сошла? – прошептала я.

Она пожала своими маленькими беличьими плечиками.

– Скорее я самый здравомыслящий человек в этом месте, дорогая. Как насчет вальса?

Вальс? Здесь?

Роза выглядела такой смелой и озорной в этот момент, что я не смогла устоять. Я сделала вид, что обдумываю ее предложение, встала на ноги и грациозно протянула руку. Во всяком случае, хотелось думать, что грациозно. По примеру Розы я натянула варежки на ноги, и мы понеслись в танце, напевая и смеясь. Как принцессы из волшебной сказки! Как очаровательные богини в шикарном ночном клубе! Как королевы на конкурсе красоты!

² Шимми – танец, в котором тело остается неподвижным, а плечи и руки выполняют ряд различных па.

А еще как две обычные девчонки, простые девчонки. Нас поймали.

Раздались шаги на гравийной дорожке перед входной дверью, и на пороге появилась женщина с таким плоским лицом, что на нем, как на холсте, можно было писать. Мы с Розой замерли, словно заколдованные. Просить прощения было поздно. Бежать тоже. Это была покупательница.

Она была высокой, с густыми, соломенного цвета волосами и пухлыми губами. У нее был тяжелый шаг. Ее сапоги оставили отпечаток подошв на только что натертом полу. От этого шага задрожали стеклянные капли абажуров. Острым, как игла, которой бабочек прибивают к картону, взглядом она приковала нас к стене. Бросила на столик перчатки, на кресло положила шляпку, хлыст прислонила к стене.

В этой концентрационной тюрьме мы были невинными жертвами, с которыми обращались как с преступниками.

И одна из надзирательниц сейчас стояла перед нами.

* * *

Я всегда мечтала о собственном модном ателье. В том возрасте, когда другие дети играли во дворе или делали домашнее задание, я все свободное время проводила сидя на полу, поджав под себя ноги, в бабушкиной ткацкой комнате и шила маленькие копии платьев, которые она изготавливала. В воображаемую примерочную приходили мои куклы и начинали обсуждать модные фасоны (я сама говорила за них разными голосами), а потом позировали в сшитых мной платьях.

Но теперь, оказавшись в настоящей примерочной, наедине с настоящей заказчицей, я вдруг превратилась в испуганного кролика, как та вчерашняя женщина Кролик. Но кролики – легкая добыча для собак, лис и волков, особенно если у кролика на ногах варежки для натирки пола. Я быстро скинула их с ног и надела свои дурацкие деревянные башмаки.

– Привет, я Карла! – сказала женщина. Ее голос был глухим и низким. Так могла бы разговаривать картошка, если бы умела. Карла была совершенно не похожа на мрачную фигуру у дальней стены мастерской. Карла оказалась очень энергичной и дерзкой девушкой, похожей на тех молоденьких выпускниц, стайки которых я в свое время встречала на улицах своего родного города. Обычно это были вчерашние школьницы, подыскивающие свою первую работу.

– Знаю, еще рано, но я так тороплюсь поскорее примерить мое новое платье. Вы его видели? Из зеленого шелка. Такое роскошное! Такое шикарное! – На слове «шикарное» она почти попискивала от восторга: – Очаровательно! Все с ума от зависти сойдут, когда меня в нем увидят.

Она сняла китель и протянула мне. Я молча взяла его. Куда мне его положить?

Распахнулась внутренняя дверь, и в примерочную стремительно вбежала Марта. Затормозила и взволнованно затараторила:

– Прошу прощения, мэ. Виновата, мы не ждали вас так рано. – Она щелкнула пальцами и приказала Розе: – Ты! Принеси платье. – А мне прошипела: – Расправь коврики!

Карла начала раздеваться, не переставая говорить:

– Сегодня прелестный весенний день. Светает так рано, верно? Лично я терпеть не могу подниматься затемно, а вы? Возьми... – Она протянула мне свою юбку.

Оставшись в белье и чулках, Карла поднялась на подиум в центре комнаты. Полюбовалась своим отражением в роскошном зеркале. Любоваться, по правде сказать, было чем. В отличие от меня фигура у нее была что надо. Мои узкие бедра при желании можно было засунуть в щель тостера, как кусок хлеба.

Роза вернулась с платьем. С моим платьем. Я чуть не ахнула, когда Карла подняла руки над головой, и струящийся шелк зеленой волной хлынул по ее телу. Оно идеально облегалo фигуру, а юбка красиво колыхнулась, когда Карла повернулась перед зеркалом. Бабушка была бы мной довольна.

Карла широко улыбалась, глядя на свое отражение, и даже хлопала в ладоши, словно маленькая девочка, которую привели в кондитерскую.

– Ты так проницательна, – приговаривала она. – Такой удачный фасон. Как тебе это удалось?

– Я...

Но я замолчала, потому что Марта заткнула меня суровым взглядом.

– Годы практики, – пробормотала Марта. – Кроме того, у вас такая прелестная фигурка, мэм, что шить было одно удовольствие. Я сразу поняла, что этот фасон вам пойдет, а ткань подобрала под цвет весенней листвы. С шелком работать очень сложно, но результат того стоит. Уверена, вы согласитесь.

Марта проверила край юбки, выровнила его спереди и сзади. Что-то упало на пол, и Марта молча щелчком указала мне: булавка! Я присела на корточки и принялась водить по полу тыльной стороной ладони, как учила бабушка. Наконец нашарила булавку и подняла ее. Вспомнила, как говорит бабушка: *«Увидишь булавку – не ленись поднять, вместе с ней удачу поднимешь»*. Я слушала, как Марта выслушивает комплименты за мою работу, и мне очень хотелось всадить эту булавку ей в руку. Но вместо этого я просто протянула ее Марте.

– Это платье изумительно подходит для субботнего концерта, – продолжала восхищаться Карла. – Правда, я ничего не понимаю в скрипке, но все равно хочу выглядеть привлекательно. И благодаря тебе – буду.

– Нижний край я подрублю в течение часа, – сказала Марта, выпрямляясь и с удовольствием рассматривая «свою» работу.

– Да... – Карла перестала крутиться и внимательно посмотрела на себя в зеркало.

– Что-то не так? – нахмурилась Марта.

Мне очень хотелось сделать шаг вперед и сказать: *«Да, не так. Это не Марта, а я сшила платье, которое вы так хвалите!»* И, если хватило бы решимости, добавила бы, что с самим платьем все так.

Карла снова хлопнула в ладоши:

– Поняла! Плечики. Плечики добавляют пикантности. И пояс. Хорошенький поясок в горошек. Я видела такой в одном из ваших модных журналов, можно взять его за основу. И, может быть, бант на вырезе? Или это будет уже слишком?

Бабушка часто приходит после работы в примерочной и жалуется, что у некоторых ее заказчиц чувство вкуса как у половой швабры. Но что поделаешь? Пока платят, приходится делать то, что им хочется. И добавляет, пожимая плечами: *«Но это не значит, что тебе должна нравиться такая безвкусица»*.

Кажется, заказчицы в Биркенау мало отличались от бабушкиных. Марта покорно кивала, выслушивая эти ужасные предложения.

И тут Карла заметила выражение моего лица. Замолчала, прищурилась, переводя взгляд с меня на Марту. Она смотрела хитро, хотя до этого вела себя как деревенская дурочка, на которую внезапно свалились богатство и слава. Карла поняла, что Марта лгала ей, что не она сшила платье.

– Стой! – воскликнула Карла. – Забудь. Все забудь. Сделай мне к этому платью жакет... – Она посмотрела на меня, гадая, понравился ли мне такой выбор. И то, что она увидела, придало ей уверенности. – Точно, жакет-болеро с рукавами в три четверти. Из той же ткани. На подкладке. Может быть, даже с вышивкой. С твоим талантом это для тебя раз плюнуть. Все, решено. А теперь помоги мне скорее снять платье. Пора на работу. Труба зовет!

Она вновь надела униформу, подхватила свой хлыст и, похлопывая им по голенищу сапога, удалилась, напевая себе под нос какую-то танцевальную мелодию.

– Молчи, ни слова! – Марта ткнула меня в грудь своим костлявым пальцем, как только за Карлой закрылась дверь, и мы остались одни.

– Но...

– Ну, ладно. Ты так кипятишься потому, что эта кабаниха думает, что я сшила для нее платье, а не ты?

– Ну, да...

– Потрясающе. Но ты ведь сделаешь все, что тебе прикажут, чтобы выжить здесь, так?

Я медленно кивнула. Быстро учусь. Если выживу, смогу когда-нибудь вернуться домой.

– Когда я смогу отправить моей бабушке письмо и сообщить, что со мной все в порядке? Этой весной она болела, а дедушке трудно за ней ухаживать. Я возвращалась домой из школы, когда меня схватили и увезли. Она, должно быть, очень волнуется за меня.

– Серьезно? Ты действительно такая наивная, да, – вздохнула Марта. – Сколько времени ты здесь?

– Три недели.

– Тогда неудивительно, что ты такая бестолковая. Шок еще не прошел. Я дам тебе кое-что. – Она вытащила из кармана картонную коробочку, встряхнула, и из нее выскочили две тонкие сигареты. – Вот, возьми. И сделай мне жакет-болеро для Карлы.

– Спасибо, не курю.

– Говорю же, бестолковая! В Биркенау сигареты – это деньги. Купи на них себе еды или друзей, все равно.

– А отправить отсюда письмо на них можно?

– Не надейся. Здесь фабрика смерти. Ты думаешь, Они хотят, чтобы остальной мир узнал о том, что это за место? Прими мой совет, школьница, забудь о своей семье. Забудь обо всем, что по ту сторону колючей проволоки. Сейчас во всем мире есть лишь один человек, о котором тебе стоит беспокоиться, и это я. Так что, прежде чем что-то сделать, спроси себя: «А как на моем месте поступила бы Марта?» И сразу поймешь, права ты или нет.

Я смотрела на свернутые из папиросной бумаги трубочки с торчащими на концах коричневыми ниточками табака. Дедушка любил делать самокрутки. У него такие же ловкие пальцы, как у меня, только пожелтевшие от табака. Когда дедушка начинал сильно кашлять, особенно по ночам, я тайком брала его кисет и спускала весь табак в туалет. Утром, обнаружив это, он смеялся, ерошил мои волосы и посылал меня в лавочку купить новую пачку табака. Я ненавижу дела сигареты, одежда впитывает едкий табачный дым.

– Мы договорились? – Марта оценивающе взглянула на меня.

Я взяла сигареты.

И они не были единственным, что я прихватила в то утро из примерочной.

– Элла... Эй, Элла! – прошептал кто-то прямо мне в ухо.

Я была мыслями далеко отсюда, прикидывала, как скроить лацканы на жакете, чтобы он лучше сидел на Карле. Бабушка бы сказала, что это проще, чем испечь шарлотку. Шарлотка... или вишневый пирог, или слоеный с персиком. Рот начал наполняться слюной.

Бабушки здесь не было. К счастью.

Меня звала Роза.

– Что такое? – шепнула я в ответ.

– Остановись. Сейчас будет ужин.

Про ужин она сказала так, словно нас ждал большой, накрытый белоснежной скатертью стол, с подсвечниками и салфетками в серебряных кольцах, с огромными тарелками дымящейся еды. Может, в ее доме так и было.

– Минутку, – проворчала я. – Мне нужно решить.

Роза досадливо поморщилась, но не ушла, а протянула руку к жакету и принялась выворачивать его воротничок то в одну сторону, то в другую.

– Послушай, можно же сделать просто маленькие надрезы вот здесь и здесь, чтобы ткань не натягивалась. Тогда и лацканы хорошо будут смотреться.

Я моргнула. Ну, конечно! Я такая идиотка, что не додумалась сама.

– Ножницы! – крикнула я.

Я сделала надрезы. Лацканы сразу же прекратили сопротивляться и легли на место.

За соседними столами девушки и женщины заканчивали работу, возвращали выданные им булавки. Двигались медленно, потирая затекшие плечи, шею, разминали руки и поясницу. Это был долгий день. Изматывающий. Но, несмотря на это, никто не спешил покидать мирный, безопасный мирок мастерской. Снаружи лаяли собаки.

– Свали, принцесса! – сказала неожиданно появившаяся Марта. Роза так и сделала.

– Неплохо, – заметила Марта, потыкав в мой жакет своими длинными пальцами. – Карла просила украсить его. Ты умеешь вышивать?

Умею ли я вышивать? Хороший вопрос. И Марта, нетерпеливо постукивая ногой по полу, ждала ответа.

«Как поступила бы Марта?» – мысленно спросила я себя. – *«Солгала бы»*.

– Я очень хорошо вышиваю, – ответила я.

– Замечательно. Вышей бабочек или цветочки, что-нибудь миленькое и простенькое.

И Марта ушла. Я тяжело вздохнула. Ненавижу вышивать. Дурацкие петельки, стежки, узелочки.

За ужином я искала взглядом Розу, но она затерялась среди тысяч женщин в полосатых робах, хлебавших из оловянных мисок водичку под названием «суп». Еще не поздно ее найти до отбоя. Свет здесь гасят в девять часов вечера. (Подъем в четыре тридцать утра.) После ужина я отправилась в свой барак, забралась на нары. Барак – это длинное, низкое, жалкое на вид строение, в которое втискивают около пяти сотен заключенных. Здесь мы спим на влажной древесине полков, которые тремя ярусами занимают место от пола до потолка. Полки делятся на койки с соломенными матрасами, на которых спят по двое. Никакой другой мебели, кроме ночных ведер, нет. Этим вечером моя соседка по матрасу не появилась. Я не стала спрашивать почему. Есть такие вопросы, на которые не хочешь знать ответа.

Я услышала шум внизу и свесилась с полки. Старшая по барaku со своими помощниками загнали Розу в угол. Я даже не знала, что она тоже в нашем бараке, и ей не повезло привлечь к себе внимание старшей. И хотя капо – это те же заключенные, часто они ведут себя не лучше надзирателей.

Они – элита в мастерской. И используют свое положение, чтобы получать больше еды, занимать лучшие койки и выполнять самую легкую работу. Старшую по блоку звали Герда, и была она такой кряжистой, что быстро получила кличку «Балка», прочный металлический профиль, который используют в строительстве мостов или возведении потолочных опор. Ее мускулистые руки действительно были сделаны как будто из сварного металла, и она обнимала ими своих многочисленных подруг. Я старалась держаться от нее подальше. Ее номер был коротким, она этим гордилась. Это значило, что Балка в лагере не несколько недель, как я, а несколько лет. Мало кто жил здесь так долго.

Роза не была стальной, она была мягкотелой. Балка и ее банда прижали ее к печке в самом центре барака. Они еще не были с ней грубы. Пока нет. Это была проверка, прощупывание.

– Тебе негде спать, малышка? Ну, не плачь. Ты же не хочешь испортить свое прелестное личико, да?

Роза не плакала. Просто стояла и беспомощно оглядывалась по сторонам, терпела тычки. Разве она до сих пор ничему не научилась здесь? Не поняла, что нельзя позволять людям толкать тебя? Уверена, Марту бы никто не тронул в ее бараке. Скорее всего, там она тоже главная.

Как сейчас поступила бы Марта?

Примкнула бы к Балке и ее шайке.

Балка выдохнула Розе прямо в лицо облачко сигаретного дыма. Я уже догадывалась о том, что последует дальше – сигарета Балки прожжет обнаженную кожу на руке Розы. Лучше не вмешиваться. Не стоит попадать в ее черный список. Ведь она следит за ежедневной нарезкой и раздачей хлеба. И такими обязанностями, как, кому тащить котел с супом с кухни или выносить туалетное ведро.

Но, с другой стороны, лучше делить матрас с Розой, чем с совершенно незнакомым человеком...

– Эй, Роза! Поднимайся сюда! – Я похлопала по своему тощему матрасу.

Роза засияла ярче, чем единственная лампочка, висевшая у нас в проходе между нарами, и махнула рукой Балке и ее компании, чтобы те расступились. Они были так удивлены, что позволили Розе пройти.

– Благодарю вас, – сказала Роза с таким величественным видом, будто эти бандитки были гостями, случайно попавшими в число приглашенных на чай. Хотя ручки Розы были тоненькие и слабенькие, как полоски лапши, она сумела забраться ко мне на третий ярус. Балка несколько раз сделала вид, будто хватается Розу за юбку, но не всерьез, просто чтобы спасти репутацию. Я же на секундочку погрузилась в мечты о лапше с базиликом и густым томатным соусом. Такую лапшу нужно есть смачно, чувствуя, как пятна от соуса остаются на лице...

– Уф! Ты здесь не стала страдать боязнью высоты? – спросила Роза, переваливаясь на мой матрас.

– Голову береги...

Поздно. Роза успела удариться макушкой о потолок, который был здесь таким низким, что сесть, выпрямив спину, было невозможно.

Я подвинулась, чтобы освободить место.

– Зато здесь воздуха больше.

Больше из-за ветра, дующего сквозь дырявую крышу.

– И никто через тебя ночью не ползет, если приспичило в туалет. Хотя, с другой стороны, если приспичит тебе, придется спускаться и подниматься в кромешной темноте.

– Спасибо, что позвала к себе, – сказала Роза, потирая голову. – Мое прежнее место кто-то занял. Там было не так классно, как здесь.

– Классно?

– Ну, мы же теперь вместе, не так ли? – Она улыбнулась.

Теперь у меня появилась компания, и проблема вместе с ней. Я обменяла одну из сигарет, что дала мне Марта, на кусок хлеба с маргарином. И как мне теперь есть его на глазах у Розы? Я собиралась приберечь этот кусочек на утро, надеясь, что никто не украдет его, пока я сплю, и крысы до него не доберутся. Крысы на верхних балках, которые питались лучше заключенных на нарах под ними.

Но голод оказался сильнее вежливости. Я вытащила хлеб и начала осторожно откусывать корочку. Я старалась жевать как можно тише. Но бесполезно. Роза сглотнула и деликатно отвернулась.

– Вот, возьми немного, – сказала я ей.

– Ты это мне? О, спасибо, я сыта, – солгала она. – Ни крошки больше проглотить не смогу.

– Не глупи.

– Ну, если ты настаиваешь...

Дальше мы старались жевать тихо вместе. Я подбирала каждую крошку, упавшую на платье, Роза их стряхивала.

Затем я скрючилась, чтобы стащить свои дурацкие башмаки. Помимо того, что они натирали до жутких волдырей, они служили подушкой.

Роза вдруг подняла голову, как белочка, которая проверяет орех, пытаясь определить, целый он или гнилой.

– Слышишь хруст? – спросила она.

– Крысы.

– Нет, – покачала головой Роза. – Не крысы и не клопы.

Я повернулась, пытаясь устроиться поудобнее.

– Это ты! – сказала Роза. – Это ты хрустишь.

– Да нет же!

– А я говорю, хрустишь.

– У тебя разыгралось воображение.

– Ну, если так...

– А кто сказал, что хрустеть – преступление? – рассердилась я. – Могу хрустеть, сколько захочу.

– Совершенно верно. Но если я слышу, как хрустит модный журнал из примерочной, значит, и кто-то еще тоже это слышит.

Я покраснела от смущения и вытащила из рукава «Модный календарь», который пролежал там целый день.

– А тебе известно, что Они с тобой сделают, если поймают тебя на этой краже?

Я не знала точно, каким должно быть наказание за мой проступок, но понимала, что оно будет малоприятным.

– Да ладно, всего лишь журнал, – притворно заулыбалась я.

– Все равно воровство.

– Здесь это не воровство, а заимствование.

– Воровство.

– Ну и что?

– Как это что? Тебя никогда не учили, что воровать нехорошо?

Я едва не расхохоталась в ответ. Конечно, я знала, что воровать нехорошо, и, между прочим, я никогда ничего не оставляю себе, когда меня посылают в лавку. Никогда не крада ничего, кроме пары катушек ниток из бабушкиной коробки. Хотя был случай, когда она поймала меня со своим кошельком в руках и прочитала мне длинную лекцию об уважении чужой собственности. Я напрасно пыталась объяснить, что взяла поиграть ее кошелек, и это была чистая правда. Кошелек был из крокодиловой кожи со звонко щелкавшими застежками снаружи, красной подкладкой внутри и слегка заржавевшей «молнией» на кармашке для мелочи. Крокодил, опасный зверь, стремительный, способный проглотить все что угодно.

– Они украли все, что у меня было, – сказала я. – Это тоже нехорошо. Ты собираешься доложить обо мне?

– Конечно, нет! – брезгливо откликнулась Роза, а после небольшой паузы спросила со своим неподражаемым аристократическим акцентом: – Разве ты не хочешь взглянуть на него, прежде чем вернуть обратно?

– Если я верну его обратно, – уточнила я, передавая журнал Розе.

Она нежно погладила глянцевою обложку.

– Моя мама была в отчаянии от того, что я читаю эту ерунду, так она его назвала. Говорила, что мне стоит читать хорошие книги или писать их.

– Твоя мама называла «Модный календарь» ерундой? Здесь же пишут обо всех новых фасонах, печатают обзоры и письма читателей, прикладывают выкройки и фотографии...

– Да знаю! – рассмеялась Роза. – Классный журнал. И там есть другие цвета, кроме коричневого.

– Гасим свет! – завопила снизу Балка.

Из коричневого в черное, во тьму. Что теперь делать с журналом? Я начала бояться, что меня обвинят в воровстве... Что они сделают дальше? Ничего хорошего. До сих пор я знала только одну главную, и Марта казалась еще человечной.

Быстро-быстро думай о чем-нибудь другом, о шитье.

– Эй, Роза, – тихонько сказала я. – Спасибо тебе за сегодняшний совет насчет лацканов.

– Пожалуйста.

– Где ты научилась шить?

– Я? К нам во дворец приходила одна леди, чтобы давать уроки, вот у нее и научилась. Когда я была маленькой, то мечтала стать хозяйкой салона модной одежды. Или книжного магазина. Или владелицей зоопарка. Желания быстро менялись.

Я повернулась на матрасе. Нет, не может Роза быть хозяйкой салона модной одежды, это моя мечта! И как глупо с ее стороны притворяться, будто жила в настоящем дворце!

– Элла, – спустя несколько минут прошептала Роза.

– Что?

– Спокойной ночи.

– И тебе.

Спокойной ночи. Эти слова не для Биркенау.

Пауза.

– Элла, рассказать тебе сказку на ночь?

– Нет.

Еще пауза.

– Элла...

– Ну, что еще? – Я повернулась на комковатом соломенном матрасе.

– Я рада, что встретила тебя здесь, – раздался голос Розы в темноте. – Хлеб – это хорошо, но друзья лучше.

Спать я не могла. Это не были угрызения совести из-за кражи... то есть заимствования. И это не был голод. Я не могла уснуть, потому что Роза храпела. Не раскатисто, как мой дед в соседней комнате. Это было тихое сопение, которое было бы даже милым, если бы она не лежала рядом.

Как на моем месте поступила бы Марта?

Ткнула бы ее под ребра.

– Мм, щекотно, – пробормотала Роза, не просыпаясь.

Я лежала без сна, запрещая себе думать о чем-либо, кроме будущей вышивки на жакете.

Свисток, как всегда, раздался в половину пятого. Мы соскочили с коек и помчались на перекличку. Этот свисток раздавался дважды в день, утром и вечером, всех полосатых пере-

считывали, чтобы убедиться, что никто не сбежал ночью. Хотя побег на волю был фантастикой. У охранников были списки. Имен в этих списках не было, имена есть только у людей, у нас же были номера. Они были на нашивке над левым карманом рубы у каждого полосатого.

Кроме номеров на рубе имелся винкель – пришитый рядом с номером треугольный кусочек ткани. Винкель различались по цвету, и каждый цвет говорил, почему Они решили, что ты недостоин больше жить в нормальном мире.

У большинства капо винкель были зелеными. Это означало, что до попадания в Биркенау они были уголовниками. Значок Розы был красным, и он говорил, что она – политический враг. Это казалось безумием. Какую политическую угрозу могла представлять эта глупенькая фантазерка? Еще Они терпеть не могли любителей читать книги. Так же как и людей моей веры. За то, что ты поклоняешься «неправильному» богу, тебе полагалось носить шестиугольную желтую звезду. Она напоминала те звездочки, что мы получали в школе за хорошую работу, но эта звезда означала, что ты занимаешь самую нижнюю ступеньку лагерной лестницы. Желтые звезды были у большинства полосатых, и с такими обращались хуже всего. Мы были людьми только наполовину. Меньше чем людьми. Расходным материалом.

Я ненавидела свою звезду. Я ненавидела винкель и списки. Ненавидела, что одни люди запирают других людей и вешают на них ярлык: ты другой. И как только ярлык наклеен, другие могут обращаться с тобой как с вещью. Это так глупо. Я не винкель или номер. Я Элла!

Поначалу такая практика не казалась трагедией. Все начиналось с мелочей. Нас просто последними включали в состав школьных спортивных команд (потому что *ваш народ не пригоден для работы в команде*). Занижали оценки на экзаменах (*ты и такие, как ты, списываете друг у друга, поэтому у вашего брата такие высокие оценки*). Потом учителя перестали замечать меня в классе, когда я тянула руку, чтобы ответить (*Кто-нибудь знает ответ? Кто-нибудь? Кто-нибудь?*).

И вскоре мелочи превратились в вещи посерьезнее.

Однажды на уроке учитель заставил одного мальчика выйти к доске и перед всем классом измерил ему голову.

– Посмотрите на цвет его кожи! – Учитель усмехнулся. – И измерения черепа тоже подтверждают: он принадлежит к неправильной расе. Низшей!

Я ерзала за партой, но боялась возразить, потому что после него к доске могли вызвать меня.

Однажды утром на школьном собрании директор объявил, что правила приема учеников изменились. *«Ученики, которых я сейчас назову, должны встать и немедленно покинуть школу...»*

У него был список. В списке было мое имя. Еще никогда в жизни я не была так сильно смущена, как в ту минуту, когда покидала школу, чувствуя на себе сотни взглядов. Когда я пришла домой и обо всем рассказала, дедушка пригрозил оторвать нашему директору голову и спустить ее в унитаз. Бабушка его от этого отговорила. Все закончилось тем, что меня перевели в другую школу для детей из списков.

Дальше было хуже. Мирные митинги разгоняли. Сжигали религиозные книги. Грузовики с решетками на окнах по одному забирали наших соседей по ночам.

«Не обращай внимания на эту ерунду, – говорила мне бабушка. – Они нас просто запугивают, но мы им не поддадимся, правда? Нет ничего плохого в том, кто мы есть».

Но если в нас нет ничего плохого, то почему мы оказались в лагере?

Попадание твоего номера в список было равнозначно приговору: жить тебе или умереть. Это зависело от того, в какой список тебя занесли. Здесь, в Биркенау, важнее всего было попасть в список тех, кого отправляют на работу. Если ты не работаешь, ты умираешь. Все очень просто.

Даже если любишь свою работу, вставать на нее одинаково тяжело, по какую бы сторону колючей проволоки ты ни находился. Особенно трудно подниматься на перекличку в пред-рассветных сумерках. В этот час плац кажется самым унылым местом на всей земле. Полосатые выстраивались в ряды по пять человек в каждом, чтобы капо начали проверку. Если кто-то опаздывал, проверку начинали заново. Если кто-то отсутствовал – тоже. Так же если кто-то падал от голода, усталости или холода (или всего сразу). Позевывающие надзирательницы собирались вместе, кутаясь в свои черные плащи. В то первое утро, когда на проверку мы пришли вместе с Розой, мне показалось, что среди надзирательниц я заметила Карлу, но уверена в этом не была. Женщина, которую я приняла за Карлу, стояла вдалеке и курила, с ней рядом стоял большой черный пес.

Роза стояла рядом со мной. И, когда поблизости не было никого из капо, она шепнула:

– Я умею вышивать. Хочешь, вышию веточки плюща на лацканах зеленого жакета, который ты делаешь.

– Правда? – переспросила я, осторожно оглядываясь по сторонам. – А ты сможешь?

Роза показала мне язык. Это было так неожиданно, что я едва не рассмеялась, это могло бы стоить мне жизни. Смеяться во время проверки не разрешалось, как и разговаривать, но речь шла об одежде, поэтому я не могла сдержаться.

– Извини, я имела в виду спасибо, – прошептала я. – Плющ – это замечательно. Моя бабушка как-то вышивала белые атласные листья плюща на свадебном платье. Эти листья символизируют супружество, потому что они цепко и прочно прижимаются друг к другу.

– А еще плющ ядовит, – добавила Роза, и глаза у нее хитро блеснули.

Я собиралась положить... позаимствованный мной журнал на место. Но в тот день примерочная все время была занята, заказчицы финальный раз примеряли свои готовые вечерние платья для субботнего концерта. В какой-то момент дверь примерочной распахнулась, и я смогла заглянуть внутрь. Невзрачной и немолодой женщине Марта показывала платья, сшитые девушкой-жиром, которую я встретила в свой самый первый день в мастерской. Жиром звали Шона. Заказчицу я не знала, однако, судя по травянисто-зеленому креповому платью, надзирательницей она не была. Марта же прислуживала ей, как богине.

– Кто это? – спросила я некрасивую женщину Лягушку, которую на самом деле звали Франсин. Лягушка Франсин была мастерицей в пошиве громоздких простых вещей.

– Ты не знаешь, кто это? – удивилась Франсин. – Милая, это причина, по которой мы здесь. Это Мадам Г.

– Кто?

– Жена коменданта лагеря! И страстная любительница моды. Сначала у нее были всего две портнихи, работающие на чердаке ее дома, – он находится рядом с лагерем. Потом она открыла эту мастерскую, чтобы офицерские жены и надзирательницы тоже могли красиво одеваться. Они завидовали ее модным нарядам. А этот мальчик ее сын.

Я снова заглянула в дверь и увидела в примерочной маленького мальчика. Рот раскрылся от удивления. Здесь вы не увидите детей. Никогда. На мальчике были хорошо отглаженные шортики и рубашка, волосы разделены пробором и аккуратно причесаны. Обувь начищена до блеска.

Мальчик прищурился и посмотрел на нас. Франсин изобразила гримасу и жестом показала, как висельная петля затягивается вокруг шеи. Мальчик испуганно отпрянул и уткнулся в юбки своей матери.

– Однажды их всех повесят за то, что сделали они с нами, – прошептала Франсин. – Отца, мать, всю гнусную семейку.

– Он всего лишь ребенок, – возразила я.

– Как и ты, дорогая. Как и все те дети, которые вылетели отсюда дымом через трубу крематория. Пуф!

Когда я впервые услышала о том, что здесь людей «отправляют в трубу», то думала, что те просто прочищают ее от сажи, как трубочисты. И как бы мне хотелось верить в это, дыма было слишком много; слишком много пепла. И слишком много людей, которые исчезали, едва успев оказаться здесь.

Не думай об этом. Думай о платье.

Я еще раз взглянула на нарядную Мадам Г., самую важную заказчицу в нашей маленькой лагерной вселенной. Взглянула, стараясь запомнить ее лицо, цвет волос и глаз, ее фигуру. И тут же решила для себя, что когда-нибудь буду шить для нее. Портнихе нужен внушительный список престижных заказчиков. В противном случае придется одевать любого, кто войдет в твою мастерскую.

Дверь примерочной плотно закрыта. Слишком рискованно пытаться вернуть журнал на место сейчас. И я подумала, не оставить ли его мне у себя? Почему нет? Потому что Роза знает? Это было мне безразлично.

Я вспомнила, как Франсин просила оставить для нее обрезки бумаги. Дождавшись, когда стоящая в дальнем углу мастерской фигура отвернется, я аккуратно вырвала из журнала страничку с рекламными объявлениями. Люди продавали вещи, о существовании которых я уже начала забывать. Духи. Туалетное мыло. Туфли на высоком каблуке. Я вспомнила, как бабушка водила меня в магазин перед началом учебного года. На ногах у нее были туфли с небольшими, слегка потертыми с боков, каблуками. Я была в своих скучных школьных туфлях, но это не помешало мне разглядывать выставленные в витрине вечерние туфельки, покрытые пайетками и усыпанные стразами.

«Красотой сыт не будешь», – пробормотала, глядя на них, бабушка. Что бы это ни значило.

Ходили невероятные слухи о каком-то магазине в Биркенау. Они называли его универсамом. Говорили, что это просто земля изобилия. В бараке за колючей проволокой в это было сложно поверить. Но однажды жираф Шона пришла в мастерскую, с ног до головы увешанная пакетами.

– Там есть все, – сказала она, убедившись, что Марта ее не слышит. – Все на свете!

Пока Марта отчитывала какую-то портниху и не видела, я протянула под столом Франсин вырванную из журнала страницу.

– Тебе все еще нужна бумага?

Франсин взяла ее и возвела глаза к потолку, словно говоря с сарказмом *«Большое спасибо!»*. Я надеялась, что ей будет не важно, что на странице напечатаны только рекламные объявления.

На самом деле неблагодарная Франсин даже не взглянула на страницу. Разорвала лист на четыре части, поднялась и, торжествуя размахивая бумагой, направилась в туалет. Когда она вернулась, бумаги у нее в руках уже не было.

Вот и вся щедрость.

Желтый

Одно воспоминание: Роза спрыгивает с наших нар, крича: «Жить, жить, жить!» Она вскидывает руки над головой и кружится, кружится, пока и у нас от этого зрелища не начинается кружиться голова.

– Я так люблю движение! Я люблю дышать! Я люблю хлеб! Я готова расцеловать весь мир и за любого выйти замуж!

Балка задумчиво жует вечерний паек.

– Она совсем с катушек слетела, это точно.

Весенняя грязь превратилась в сухую летнюю пыль.

Это было пекло.

Я всегда ненавидела последние дни летнего семестра в школе. Мы сидели, склонившись над партой, закатав рукава школьного платья, одежда липла к потным спинам, а солнце заглядывало в окно, словно смеясь. А затем наступала свобода – последний школьный звонок! И тогда – скорее на улицу, из куч книг в толпу, слушать веселый перезвон велосипедов и замирать от счастья, зная, что впереди недели и недели свободы!

Каждое утро, проснувшись, мы строились по пять человек в ряд на переключку. В разгар лета жарко было даже на рассвете.

Мы плавались в наших тонких робах, бритые головы были покрыты только хлопковым треугольным платком. Среди нас медленно прохаживались надзирательницы. Как вóроны, высматривающие на земле насекомых. Они закончили переключку, проверили, на месте ли винкель и все ли мы работоспособны. Как вороны, они искали среди нас, насекомых, лакомый кусочек – того, кого можно наказать. И набрасывались на него стаей. Я видела женщину, забитую до полусмерти за то, что она смочила свои курчавые волосы слюной, чтобы выглядеть более опрятно.

Однажды мимо нас прошла Карла со своей собакой по кличке Пиппа. Собака тяжело дышала и рвалась вперед. Карла резко дернула поводок, и Пиппа, моментально успокоившись, пошла рядом со своей хозяйкой.

Карла не обратила на меня никакого внимания. Для нее я была еще одной полосатой. И только накануне в примерочной она хвасталась своим загаром. Я сшила для нее лимонно-желтый сарафан, который Марта снова приписала себе. Карла знала, что Марта лжет, я уверена.

– Как думаешь, Марта сможет сшить мне купальник?

– Уверена, Марта сможет, – ответила я скромно.

К этому времени мне уже разрешалось находиться в примерочной наедине с заказчицами. Натирать полы и убираться меня больше не заставляли. Шила, пока у меня не сводило пальцы и не начинало двоиться в глазах. Так усердно работать мне не доводилось еще никогда. Раньше в моих планах было учиться портновскому искусству дома у бабушки, потом накопить денег и получить дополнительное образование в торговом колледже. После этого начать свое дело в мире модной одежды – с самых низов и подняться до владения собственным салоном.

Конечно, мое пребывание здесь не входило в планы, но это не значит, что я не могу продолжать учиться. Неожиданно полезной оказалась Марта, она поделилась со мной многими портновскими секретами:

– Я же сама у самых лучших мастеров училась.

И все же Карла хотела, чтобы я шила для нее новую одежду, а не Марта.

Однажды, раздевшись из-за жары до белья, Карла, развалившись в примерочной, листала последний номер «Мира моды», ворча себе под нос:

– Мне нужно поработать над своим загаром, а для этого нужны шорты. Я смотрела в универмаге, но там меня ничто не впечатлило. Вот взгляни... – Она жестом подозвала меня к себе так, будто я была нормальным человеком, а не полосатой. Я наклонилась над гладким плечом Карлы, пахнущим мылом, и мы вдвоем стали рассматривать фотографии сияющих от счастья девушек, позирующих в купальниках и парео на берегу моря. – Как ты думаешь, в шортах я была бы похожа вот на ту, которая справа?

– Да, только еще красивее, – ответила я.

– В шортах я стану звездой бассейна.

– В Биркенау есть бассейн? – выпалила я раньше, чем успела подумать.

– Не для твоего народа, – раздраженно ответила Карла. – Только для настоящих людей.

Она вытащила из кармана своего френча серебряный портсигар и эффектно со щелчком раскрыла его, как звезда казино. В портсигаре лежало пять сигарет. Я смотрела на них, все еще огушенная ее небрежными словами: «*Не для твоего народа*».

Как она могла? КАК ПОСМЕЛА? Я стою рядом с ней, дышу тем же воздухом, потею от той же жары, и при этом она не считает меня настоящим человеком? Только потому, что она ходит в приличной одежде, а я в полосатом мешке с прорезями для рук? А если поменяться одеждой, что тогда?

Мое раздражение утихло. Даже обменявшись одеждой, мы с Карлой не сравниваемся. Карла была человеком, я – больше нет.

Еще задолго до войны полные ненависти люди у власти составили списки тех, кого они хотели стереть с лица земли. Сначала это были люди, которые думали иначе. Потом люди с физическими или ментальными расстройствами. Люди другой религии. Люди другого народа.

Стоило попасть в список, и ты больше не человек. Ты станешь номером, если захочешь жить. И в зависимости от того, в каком он окажется списке, тебя ждет либо скорая смерть, либо отправка в Биркенау, что в принципе одно и то же.

Карла тряхнула портсигаром, очевидно, предлагая сигарету.

Как поступила бы Роза?

Отвергла бы безумную щедрость Карлы.

Как поступила бы Марта?

Постаралась остаться в живых.

Я взяла все пять сигарет.

* * *

Карла прошла мимо нас по плацу. Мой ряд облегченно выдохнул. Большинство надзирательниц во время нудной, бесконечной проверки предпочитали стоять в стороне, в теничке, предоставляя считать заключенных своим помощницам – капо. Ведь до тех пор, пока числа в списках не сойдутся, проходило иногда несколько часов. А мы все это время жарились на солнце, как яичница на сковороде.

Каждый день рядом со мной стояла Роза. По ее взгляду было понятно, что мыслями она далеко. Мои мысли тоже были не здесь: я мечтала о ведерке лимонного мороженого. Целой ванне лимонного мороженого. Эти мечты помогали мне отвлечься от всего, что творится вокруг меня, и ничего не слышать, не видеть, не чувствовать запахов. Только так можно было продержаться здесь.

Однажды, когда мы бежали после проверки в свою мастерскую, я вдруг увидела, что голова Розы не покрыта. Ходить в разной, как у нее, обуви, было делом рискованным. Ходить с непокрытой головой – просто безумием.

Я остановила ее и схватила за руку:

– Твой платок! Ты его потеряла! Роза, когда же ты перестанешь терять все подряд?

Честно говоря, Роза была безнадежна. Она уже потеряла ложку. Нам всем выдали по миске и ложке, без них есть невозможно. И Розе пришлось пить суп прямо из миски, и ее это не волновало. «Экономия на мытье посуды», – шутила она, как будто здесь можно было вообще что-нибудь помыть.

– Наверное, в твоём дворце все ложки были серебряными? – поддела я ее.

– Конечно, – закивала Роза. – Армии слуг постоянно приходилось их полировать. Даже особые вилочки были для ананасов, предмет гордости домоправительницы. Люблю ананасы. Они снаружи такие колючие, но внутри... ярко-желтая мякоть и сок... Напиток богов.

Я облизнула свои потрескавшиеся губы. Никогда в жизни не пробовала ананасовый сок.

– Но где твой платок? Его кто-то украл?

– Нет! Там, на проверке, была одна женщина. Ты не видела? Она стояла перед нами.

– Никого я не... погоди, та, что упала в обморок? – Я вспомнила возню, которая началась после того, как женщина впереди села на корточки и переживала дурноту. – Пожилая женщина?

– Я отдала ей свой платок.

– Ты с ума сошла? С тобой солнечный удар случился, что ли? Потому что если нет, то скоро будет. Зачем ты отдала его?

– Он был ей нужен.

– Как и тебе! Марта убьет тебя, если ты не будешь одета, как положено. Что это вообще за женщина?

Роза изящно повела своим маленьким беличьим плечиком и ответила:

– Не знаю. Она просто кто-то. Никто. Она выглядела такой печальной и одинокой. И взгляд у нее был... потерянный, понимаешь? Она дрожала, когда я повязывала ей платок. Даже не могла произнести «спасибо».

– Так неблагодарно.

Роза покачала головой:

– Скорее всего, она забыла, что к ней могут хорошо относиться, что есть еще то, за что благодарят. И она не пожилая. Она могла бы быть моей матерью или твоей. Послушай, Элла, разве тебе не хотелось бы, чтобы кто-то где-то заботился о твоих близких?

Эти слова заставили меня замолчать.

Ту женщину мы больше не видели.

Мне очень нравилось прятаться от мира в мастерской. Внутри нее был свой маленький мир, сжавшийся до размеров тысячи строчек. Я склонилась над работой так, что почувствовала, как на спине выпирают позвонки – я так похудела, что чувствовала, как они трутся о грубую мешковину полосатой робы. Иголку воткнуть, иголку вытащить, нитку протянуть. А дальше следующий стежок, и еще один, и еще. Так я и надеялась дожить до конца войны. Тогда я открою свое ателье модной одежды и больше никогда не увижу безобразных вещей.

Однажды мы открыли окна в мастерской, один раз, в начале лета, в надежде впустить свежий воздух. У нас потели ладони, куски ткани бугрились, швейные машинки к полудню раскалялись так, что за них невозможно было взяться. На мундире стоящей в дальнем углу надзирательницы темнели пятна пота.

Лягушка Франсин подошла к окнам. Они были так высоко, что никто не мог ни выглянуть в них из мастерской, ни заглянуть снаружи. Деревянные оконные рамы покорибились от жары.

Подтянувшись, Франсин ударила ладонью нижний край рамы, и она открылась. Остальные долго сопротивлялись, но наконец поддались, и в окнах показалось чистое небо.

Все девушки, как по команде, повернулись к окнам, закрыли глаза и открыли рты.

– Так и подмывает выбежать на улицу и расстегнуть все пуговицы, какие только можно, – пробормотала Роза.

Открыв окна, мы ждали прохлады, но она не приходила. Вместо нее повалила пыль. После долгой засухи вся грязь в Биркенау высохла, потрескалась и превратилась в желто-коричневый порошок, который поднимался вихрями от любого, даже самого слабенького, ветерка. И очень скоро все подоконники у нас покрылись слоем этой пыли.

– Лучше закрой их обратно, – сказала я Франсин, – ткани могут испачкаться. Ты же сама понимаешь.

– Да мне наплевать на эти тряпки. Я хочу дышать.

И она выпрямилась во весь рост, но все еще не доставала и сердито посмотрела на меня. Я тоже посмотрела на нее в ответ, сжимая кулаки.

Не знаю, право, чем бы это закончилось, если бы не внезапный собачий лай с улицы и выстрелы. Франсин вздрогнула и быстро закрыла окна.

Я ненавидела момент, когда нужно было сдавать инструменты. «Булавки!» – приказывала Марта, и мы сворачивали работу, чтобы выйти за дверь мастерской и влиться в стада зебр, снующих по унылым улицам Биркенау.

Улицы были прямыми линиями, вдоль которых до самого горизонта тянулись ряды бараков – блоки. Там, где заканчивались бараки, начиналась колючая проволока. У блоков сидели... лежали от истощения полосатые. Некоторые походили на привидения, их тела напоминали догорающие угольки.

После работы я потянула Розу сквозь толпу занимать лучшее место в очереди за супом. Если встать слишком близко к началу очереди, получишь только соленую водичку. Окажешься слишком близко к концу – получишь горелые поскребки со дна кастрюли или еще хуже – ничего. Так что лучше стоять в середине. Здесь даже может попасться немного картофельной шелухи.

Моя бабушка варит такой густой суп, что в нем стоит ложка. Однажды дедушка даже взял нарочно нож и вилку и притворился, что будет резать суп на кусочки.

Мне хотелось надеяться, что дедушка освоился с походами в магазин и следит за тем, чтобы бабушка нормально питалась. Прошлой весной она чувствовала себя не очень хорошо. Может быть, сейчас ей лучше. А долго сидеть без дела она не может. Значит, вскоре ей надоест неумелая стряпня деда, она улизнет из постели прямо на кухню. Шлепнет там дедушку пару раз половником, назовет старым дураком и примется за работу. *«Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на болезни»*, – любит повторять она.

А летом у нас вообще не было ужина. Но порции настолько мизерные, что одной больше, одной меньше – какая разница? Большая! Это было мучительно. Есть хотелось так, что я едва сдерживалась, чтобы не начать жевать ткань, чтобы хоть что-то положить в рот.

В тот день, когда нам не дали ужина, у меня чудовищно разболелась голова, потому что приходилось слишком долго щуриться. Я вручную прошивала крохотные складочки на нижнем белье для одной из офицерских жен. Роза обожгла руку об утюг, и смазать ожог было нечем, поэтому она тоже была подавлена. Лучше бы она плакала или жаловалась, но она продолжала притворяться, что с ней все в порядке.

По крайней мере, у нее появился новый платок – он обошелся ей в две сигареты Клары, ими я заплатила ей за веточки плюща, вышитые на лацканах шелкового зеленого жакета. Свои

сокровища я хранила в маленьком тряпичном мешочке под платьем. Там они будут в безопасности, пока надзирательницы не станут обыскивать нас.

В тот день мы закончили работу и уже приготовились покинуть мастерскую, как на пороге вдруг появилась надзирательница и крикнула:

– Сидеть! Никто не выходит!

– Но мы опоздаем на ужин, – рискнула возразить я. За моей спиной забормотали, поддерживая меня, остальные.

– Значит, останетесь без ужина! – прикрикнула на нас Марта. – Сказано сидеть – значит, сидите. Эй, принцесса, отойди от окна!

Роза стояла на цыпочках, пытаясь выглянуть наружу. Ее лицо побледнело.

– Они... Они высадили из поезда людей и гонят их по платформе, – сказала она. – И людей больше, чем обычно.

Я вздрогнула. Мне очень не хотелось вспоминать о платформе, к которой прибывали поезда со всего нашего континента. О платформе, на которой заканчивалась прежняя, нормальная жизнь. Само слово «платформа» теперь ассоциировалось у меня с собачьим лаем, криками охранников и чемоданами. Здесь мужчин отделяли от женщин, матерей разлучали с детьми, здесь когда-то и меня саму швыряло из стороны в сторону в толпе, словно упавший в грязную реку листок.

Прямо на платформе нас распределили направо или налево. На работу или в трубу. Жизнь или смерть.

– Вот именно, – сказала Марта. – Там хаос. Я не хочу, чтобы кто-то из моих работниц случайно... попал не туда...

Надзирательница кивнула и покинула мастерскую, закрыв, а затем и заперев за собой входную дверь.

И тут мы услышали глухое *бух, бух, бух* – шаги. Сотни, тысячи ног шаркают по пыльной, сухой земле.

По слухам, их было десять тысяч человек. Десять тысяч человек в день и билет в одну сторону.

Мне сложно было представить такое количество людей. Это больше населения моего родного города. Целый город привозили в Биркенау каждый день, зачастую до позднего вечера.

Немногие из прибывших оставались в лагере. Остальные... Не хотелось думать о том, что происходило с остальными, пока я не в их числе. Нельзя допустить, чтобы то же самое случилось со мной! И я шила так быстро, словно каждый стежок все крепче связывал меня с жизнью.

Проблема была в том, что сам Биркенау трещал по швам. Теперь на каждом матрасе спали уже трое, а иногда и четверо. Вдвоем под одним одеялом. А днем стало не хватать работы на всех. Но поезда продолжали прибывать. Жутко кричали паровозные гудки, они напоминали мне о моем собственном путешествии через невидимые пейзажи до Биркенау. Дни и ночи тряски по путям. Ожидание. Неопределенность.

По вечерам в бараки загоняли новеньких полосатых – испуганных, плачущих. Они прибывали сюда из разных уголков Европы, бормотали на разных языках, ломано объясняя нам, насколько далеко распространилась война от своего центра, которым была наша суровая родина. Как-то мы их понимали.

Было ясно, что Они объявили войну всему миру, но до сих пор оставались страны, продолжавшие давать Им отпор. Страны, которые, как мы надеялись, станут нашими освободителями. Кто одерживал верх? Ответ на этот вопрос зависел от того, кому вы его задаете. Надзиратели хвастались новыми завоеваниями. А по слухам, страны-освободители не отставали.

И в то же время каждый новенький получал свой номер и свой винкель – красный или зеленый треугольник, желтую звезду, как у меня; их в нашем лагере была целая галактика.

Я слушала разговоры новоприбывших о местах, которых не видела. Мой город был в нескольких сотнях километров к северо-востоку отсюда. А новые заключенные говорили о городах, пахнущих жгучим перцем и другими пряностями, или южных островах под ослепительным солнцем. Были полосатые и с самого запада, из страны на краю океана. Это были землячки нашего Жирафа Шоны – очень гордые и такие элегантные даже в полосатых робах. Я хотела бы шить красивые платья для них после войны. Совсем другими были полосатые с востока – коренастые, вроде Франсин, и хорошие работницы.

Несмотря на разную национальную принадлежность и родину, они были схожи в одном – каждый был для местных ценнейшим кладом информации.

«Откуда ты? Как дела на фронте? Когда придут освободители?»

Еще я любила расспрашивать об изменениях в моде. Какие юбки сейчас носят – длинные или короткие? Прямые или плиссированные? А рукава какие – плоские или фонариком? А потом я до бесконечности придумывала у себя в голове новые фасоны платьев, когда Роза на целый вечер уходила куда-то с грузной женщиной, которую привезли с их общей родины, из страны полей, лесов, музыки и красоты. Во всяком случае, так говорила Роза. Но с ней никогда нельзя быть уверенным, правда это или фантазия.

* * *

Лагерь стал напоминать переполненный муравейник, а новенькие продолжали прибывать. Может, я и трусиха, но слышать тем жарким, летним вечером это жуткое *бух, бух, бух* под окном нашей мастерской было невыносимо.

Все застыли в напряжении, ожидая, пока толпа пройдет мимо наших окон.

У меня дрожали пальцы. Судорогой свело ноги. Сжимало сердце.

Бух, бух, бух! И журчание голосов. И детский плач, услышав который Шона вскочила на ноги. Прекрасная, изящная Шона – сплошные ноги и ресницы, Жираф. К тому времени, когда ее арестовали, потому что ее имя было занесено в список, она всего лишь год успела побыть замужем. Ее муж и их маленький ребенок тоже были в том списке. Иногда мы слышали, как Шона тихонько напевает колыбельные своей швейной машине. Однажды надзирательница в дальнем углу комнаты тоже узнала мелодию и принялась мурлыкать ее себе под нос. Но быстро опомнилась, подошла к Шоне и ударила ее по голове, чтобы та заткнулась. Теперь на ресницах Шоны дрожали слезы.

– Мой малыш, – всхлипнула она. – Мой чудесный малыш...

– Кто это сказал? – резко обернулась Марта.

Шона всхлипнула.

– А вы слышали историю о королеве и лимонном пироге?.. – выпалила Роза.

Смешная, забавная фраза, идеально подходящая для ситуации. Она подействовала, как вылитое на голову ведро холодной воды.

Все повернулись к Розе, она уселась на краешке стола и смотрела на нас своими блестящими беличьими глазами.

Ждала.

– Продолжай, – кивнула ей Марта.

Я уже знала об этом удивительном таланте Розы – в тот самый момент, когда ты впадаешь в отчаяние и ненавидишь весь мир, она вдруг начинает рассказывать какую-нибудь историю. Например, о девушке, которая нахмурилась, а тут ветер вдруг возьми и переменись, и она так

навсегда и осталась с перекошенным лицом. Или о великане, который так громко крикнул, что свалилась луна с неба.

Это началось однажды после отбоя, в нашем бараке. Мы лежали на нарах втроем – к нам с Розой подселили еще одну заключенную, и мы с Розой оказались лежащими вплотную. Подруга тяжело вздохнула.

– Я так скучаю по книгам. Иногда мама читала мне, когда не была занята. Я и сама читала под одеялом с фонариком. Истории под одеялом кажутся еще более захватывающими. А ты? Какая твоя любимая книга?

Этот вопрос застал меня врасплох:

– У нас не было книг. Дедушка покупал газеты – в основном из-за кроссвордов и комиксов. А бабушка модные журналы.

– У тебя не было книг?! – Роза резко села на нарах и приложила голову о потолочную балку, заставив подпрыгнуть сидевших на ней крыс. – Как ты живешь без чтения?

– Пока замечательно, – засмеялась я. – Эти истории в книгах – всего лишь чья-то выдумка.

– Выдумка? Я думаю, что книги – это чья-то правда. – Она помолчала немного. – Нет, ты серьезно? У вас не было книг? Ох, Элла, ты просто не представляешь, что теряешь! Книги – это еда, питье... это жизнь. То есть ты не слышала даже историю о девушке, которая соткала себе платье из звездного света?

– Платье из звездного света? Но как такое возможно?

– Хорошо, – сказала Роза. – Слушай. Давным-давно...

С этого все и началось. С тех пор я не засыпала, пока Роза не закончит очередную историю триумфальным: «Конец».

Запас историй Розы не иссякал. Она сплетала их буквально из ничего, как прядет свою нить шелкопряд или девушка из сказки превращает солому в золото.

* * *

«А я когда-нибудь рассказывала вам уже о?..» – так обычно начинала свои истории Роза, и за этим следовал сумасшедший каскад небылиц. Например, о жизни самой Розы в графском дворце, где на завтрак подают варенные всмятку яйца на подставочках из чистого золота. В историях Розы люди танцевали до утра при свете сотен канделябров и спали в огромных, как лодки, кроватях, укрываясь шелковыми пуховыми одеялами. Стены дворца были сделаны из книг, а шпили башен задевали луну.

– ...и по парку бродят единороги, а рядом стоят фонтаны, бьющие шипучим лимонадом, да? – ехидно перебивала я.

– Какая же ты глупая, – говорила Роза в ответ.

Тем летним вечером Роза рассказывала свою историю все три часа, что мы были заперты в мастерской.

Снаружи доносилась тяжелая поступь сотен ног – *бух, бух, бух!* – а мы затерялись в мире, где королевы сами пекут пироги, и лимонные деревья разговаривают. Я даже не помню, что еще происходило в той истории. Там были великаны, которые охотились за королевой, а она убегала с перепачканными мукой руками. Еще я помню, что лимонные пироги на вкус как солнечный свет и слезы, и в них спрятаны кольца королевы, которые искали, но никак не могли найти великаны. А еще в той сказке была принцесса, которая спряталась на дереве, и великаны сначала не могли ее найти, но потом все-таки унюхали и утащили ее в свое унылое логово без деревьев и травы.

– Совсем как здесь, – пробормотала Франсин.

Но история не была грустной. В какой-то момент Франсин расхохоталась до слез: *«Прекрати! А то я сейчас описаюсь!»* В другой раз даже Марта улыбнулась, прикрыв рот ладонью. И я впервые поняла, что она такой же человек, как и все мы. Даже надзирательница в дальнем конце комнаты слушала нас и иногда ухмылялась.

А потом неожиданно Роза объявила:

– Конец.

– Нет, нет, нет! – запротестовали все.

– Тсс, – сказала Шона. – Слушайте.

Тишина.

Надзирательница подошла к входной двери и приоткрыла ее.

– Все чисто! – крикнула она. – Все на выход! Живо! Пошли!

Мы побежали на плац, лавируя среди вещей, брошенных проходившими здесь людьми. Грязный носовой платок. Канареечного цвета перо из чьей-то шляпы. Успевший слегка запылиться крохотный ботиночек с детской ноги.

Той ночью, когда мы стояли по пять в ряд, не было ни звезд, ни луны, ни неба. Биркенау был похоронен в дыму. Я чувствовала на языке привкус пепла, и мне впервые за долгое время совершенно не хотелось есть.

– Роза... – позвала я в темноте. Наш барак в ту ночь был переполнен, в нем совершенно нечем было дышать. Солома, на которой мы лежали, казалась по-особому горячей и жесткой. – Роза, ты не спишь?

– Нет, – шепнула она в ответ. – А ты?

– Тссс! – шикнула лежавшая рядом с нами костлявая женщина.

Мы с Розой придвинулись еще ближе, чтобы разговаривать еще тише.

– Это была хорошая история, – шепнула я. – Из тебя вышла бы хорошая писательница.

– Моя мама, – ответила Роза, – действительно хорошо пишет. Можно даже сказать, что она знаменита. Поэтому нашу семью и арестовали, она не боялась публиковать книги, в которых писала правду, а не то, что Они хотят слышать.

Я хотела спросить про арест, но не успела, потому что Роза моментально продолжила:

– Я была бы счастлива уметь писать хотя бы вполтину так же хорошо, как она. Что насчет тебя?

– Меня? Писать? Это смешно. Я шью.

– Да нет, что начет твоей мамы.

– О, знаешь, мне нечего сказать о ней.

– Не может быть, – возразила Роза.

Я на самом деле мало что могла вспомнить о своей матери.

– Когда я была еще совсем маленькой, моя мама устроилась на большую швейную фабрику. Никто не говорил мне о моем отце, но я думаю, что он был каким-то небольшим начальником там. Я никогда его не знала. Женаты они не были. Кстати, представляешь, на той фабрике были машины, которые могли за раз кроить сразу двадцать сложенных вдвое слоев шерстяной ткани?

– Твоя мама, Элла... – напомнила Роза.

– Меня вырастила бабушка. Швейную фабрику перевели в другой город, и все, кто работал на ней, тоже должны были переехать или лишиться работы. Сначала мама приезжала навещать нас каждые пару недель. Затем каждые пару месяцев. Потом просто стала присылать деньги. А когда началась война, фабрика начала шить военное обмундирование, и работникам

перестали платить зарплату. Ну а дальше... Дальше ты все знаешь, – пожала я в темноте плечами.

Я действительно немного знала об этом.

В темноте меня обняла пара тонких рук.

– Ты чего? – не поняла я.

– Ничего, – еще крепче обняла меня Роза. – Просто проверяю, как далеко могу вытянуть руки.

Позднее той же ночью одна женщина, лежавшая на нижнем ярусе, начала плакать – сначала тихо, затем все громче, все истеричнее.

– Почему я, почему я, почему я? – причитала она. – Что я такого сделала, чтобы оказаться здесь?

– Замолчи! – крикнула Балка из своего огороженного угла в конце барака.

– Не хочу я молчать! – закричала женщина. – Я хочу домой! К мужу и детям! Почему Они пришли за нами? Что мы такого сделали?

– Заткнись, я сказала! – прогремела Балка.

Но женщину было уже не остановить. Она визжала, визжала и визжала так, что, казалось, сейчас лопнут барабанные перепонки. Роза в темноте нашла мою руку и сжала ее.

Балка не выдержала. Скинула женщину на пол и встряхнула.

– Ты здесь ни при чем! Это Они. Им нужно кого-то ненавидеть. Убивать. Для Них мы все преступницы.

– Только не я! – возмущенно воскликнула Роза.

– И не я! – хрипло хихикнула бандитского вида девушка, двумя пролетами дальше. Винкель у нее был зеленым, и всем хорошо было известно, что список ее правонарушений был длиннее, чем рулон туалетной бумаги.

– Мне приходилось воровать яблоки, – раздался скрипучий голос снизу. – Они были кислыми, как уксус, от них сразу желудок сводило, но мы все равно каждую осень крали их.

– Идиотки! – Балка сложила руки на груди. – Я не о том. Если кто-то из вас стащил тюбик губной помады из магазина, или пенсию старухи, или даже пришел свою мамашу... не важно. Что бы мы ни творили раньше, это не важно. Мы с вами здесь не за реальные преступления.

В бараке повисла мертвая тишина. Не слышно было даже хруста соломы.

Балка любила внимательную аудиторию:

– Разве вы до сих пор еще не заметили, что Им безразлично, кто мы такие и что сделали? Мы здесь просто потому, что существуем. Для Них мы не люди. Вот ты, Роза-мимоза со своими благородными манерами, этикетом и прочей ерундой, ты думаешь, Они согласились бы выпить с тобой чаю? Это все равно что Они стали бы спрашивать у крысы, какой вилкой есть рыбу!

– Как грубо, – сказала Роза, хотя было непонятно, относилось ли это к языку Балки или к трапезе с крысой.

– Грубо? – буквально выплюнула это слово Балка. – Грубой будет наша смерть!

– Но Они же не всех нас хотят убить, – рискнула заметить я.

– Только до тех пор, пока мы им полезны, портняжка. А что с тобой будет, когда им надоест играть в переодевания? Думаешь, тебя отпустят? О, люблю этот момент. Ты вылетишь в трубу, как все остальные.

– Заткнись! – крикнула я, затыкая свои уши ладонями. – Заткнись, заткнись, заткнись, не говори о трубах!

В следующую секунду Балка уже тащила меня вниз, и я пересчитывала своим позвоночником все деревянные перекладыны. Едва я успела коснуться ногами пола, как Балка уже врезала мне кулаком по лицу и заорала:

– Я здесь главная, и это только мне решать, кто здесь должен заткнуться, ясно?

Затем отпустила. Я рухнула на пол мешком. Балка посмотрела на меня и вздохнула.

Похоже, что, ударив меня, она моментально остыла, вся злость вытекла из нее словно желтая жижа из стоявшего в углу барака туалетного ведра.

Я дрожала, когда Балка помогла мне встать и забраться обратно на полку. Она повернулась к женщине, из-за которой все началось:

– Вы все, вбейте это в свои пустые головы: больные, которые сослали нас сюда, настолько переполнены ненавистью, что им все равно, на кого ее выплескивать. Если бы не другая национальность, другая религия или еще что, они придумали бы новые критерии. Сейчас они изрыгают это на нас. В следующий раз это будут нищие, потом...

– Я хочу домой! – заныла несчастная женщина и снова зарыдала.

– А я хочу убить каждую тварь в этой дыре голыми руками, – вспыхнула Балка. У нее были большие руки, с обеденную тарелку каждая. – Но лучшее, что мы можем сделать, – это жить. Ты слушаешь меня? Единственный способ победить Их – это не умереть. Так что заткнись и думай о том, как тебе выжить, несчастная корова. И дай нам поспать.

Я постепенно начинала забывать о том, что где-то существует другой мир, в котором люди ездят на поездах не в лагерь за колючей проволокой, а в города с красивыми магазинами или к морю. Где можно ходить в приличной одежде и спать в своей кровати, ужинать со своей семьей. Жить нормальной жизнью.

Роза говорила, что книги – это жизнь. Но я знала кое-что получше. Работа – это жизнь. И что бы ни приказывала мне сделать Марта, я всегда отвечала: *«Я могу это сделать»*.

Каким бы сжатым ни был срок или какой бы привередливой ни была заказчица, я никогда не подводила Марту. За это я стала получать лучшие заказы. И время от времени лишний кусок хлеба или несколько сигарет. А иногда даже скупую похвалу: *«Хорошая работа»*.

Я многому училась – иногда просто глядя на то, что делают другие портнихи, иногда помогая им шить. Кстати, все они оказались намного дружелюбнее, чем мне показалось вначале. Охотно делились со мной секретами мастерства.

Со временем я узнала их истории. Реальные истории их жизни до Биркенау.

Франсин, например, работала на большом заводе, и привычка к тяжелому физическому труду чувствовалась в ней до сих пор. Для Франсин было одно удовольствие сидеть в тихой мастерской и шить разные вещи каждую неделю. Вот только отсутствие туалетной бумаги в местной уборной Франсин очень огорчало, и она постоянно кланчила у меня бумажные обрезки.

Шона была когда-то одной из лучших мастериц в салоне одежды для новобрачных и рассказывала нам всевозможные истории о привередливых невестах и их чудовищных мамашах. *«Угодить обеим сразу просто невозможно, – жаловалась Шона. – Угодишь невесте – мамаша от злости готова лопнуть, угодишь мамаше – невеста беситься начинает»*.

Я заметила, что Шона часто прикасается к тому месту на своем безымянном пальце, где было обручальное кольцо. Они забрали все драгоценности, когда мы приехали. У меня был только маленький золотой кулон, который подарил мне дедушка на мой последний день рождения. Там были выгравированы мое имя и дата рождения. Интересно, увижу ли я его когда-нибудь снова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.